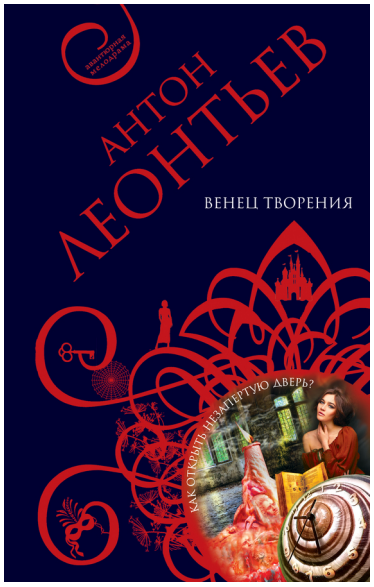

АНТОН
ЛЕОНТЬЕВ
ВЕНЕЦ ТВОРЕНИЯ
КАК ОТКРЫТЬ НЕЗАПЕРТУЮ ДВЕРЬ?

Антон Валерьевич Леонтьев

Венец творения

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073780
Антон Леонтьев. Венец творения: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73134-3

Аннотация

Евгения знала: старинная загородная усадьба с необычным названием Мухина дача им с мужем не по карману, но испытывала странное чувство – они во что бы то ни стало должны поселиться именно здесь! Во время первого визита в усадьбу Женя спустилась в подвал, где обнаружила дверь без ручки и замочной скважины. Куда она ведет и что скрывает? А потом она заметила тень какого-то существа, то ли человека, то ли зверя… Эти загадочные происшествия отнюдь не напугали девушку – она поняла, что просто обязана раскрыть все секреты таинственного дома. И по невероятному стечению обстоятельств они с Артемом стали владельцами Мухиной дачи! Однако особняк пока не спешил раскрывать им свои тайны. До тех пор, пока Евгения не обнаружила в старом сейфе дневник своей тезки, жившей в доме сто лет назад…

Антон Леонтьев
Венец творения

Не мы владеем домами, это они владеют нами.
Милорад Павич

30 апреля 1914 года

Евгения знала, что они хотят убить ее. Ее саму – и ее неродившегося ребенка. Она опустила руки на свой большой живот под ночной рубашкой. Погладила его, раздумывая. Ей было страшно, очень страшно. Нет, не за себя, *а за своего малыша.*

Она приняла решение и откинула покрывало. Прислушалась, убеждаясь, что в коридоре не раздаются шаги. Затем осторожно опустила ноги на пол, нащупала тапочки и, осторожно перевалившись, поднялась.

Чадо, которое должно было появиться на свет со дня на день, заворочалось у нее в животе. Евгения снова погладила его и прошептала:

– Все будет хорошо, маленький, я тебе обещаю, что все будет хорошо!

Хотя сумеет ли она сдержать слово, она не знала. Уж слишком много страшных событий произошло в последнее время. Она против своей воли попала в кошмарную историю – и хуже всего, что, поведай она ее кому-нибудь, никто бы ей просто не поверил.

Прижав к животу руки, она двинулась к старинному креслу, стоявшему около кровати с балдахином, на которой она почивала. С трудом наклонилась и взяла теплый халат, висевший на спинке.

Надеть его было нелегко, однако Евгения все же справилась. На это ей потребовалось несколько минут – все никак не могла попасть рукой в рукав. Сердце у нее учащенно билось, а малыш в животе вновь дал о себе знать, словно чувствуя, что им предстоит.

Да, им – *ему и ей!* Потому что не было никого, кто бы мог защитить их. И оказать им помощь…

Она подошла к стоявшему в глубине комнаты шкафу, больше походившему на гроб. Раскрыла его, содрогнувшись, когда несмазанная дверца пронзительно скрипнула. В шкафу находилась ее одежда. Все остальное *они* давно уже у нее конфисковали. *Все – кроме дневника!*

Главное – уйти, не оглядываясь, из этого ужасного места. А что будет потом… *Потом начнется новая жизнь* – если, конечно, она когда-либо сумеет забыть кошмар, в центре которого оказалась!

Но шкаф был пуст – *в нем ничего не было!* За исключением разве что нескольких сиротливо висящих вешалок.

Евгения почувствовала, как глаза наливаются слезами. Ну конечно, они предполагали подобное развитие событий и приняли меры.

Как в таком случае она сможет отправиться восвояси? Потому что был конец апреля, погода стояла еще прохладная. И дело было не в ней самой, *а в ее малыше.* Она не могла допустить, чтобы побег негативно сказался на его здоровье!

В коридоре раздались отдаленные шаги. За последние недели слух Евгении крайне обострился, потому что опасность грозила ей буквально отовсюду. Женщина быстро вернулась к кровати.

Она слышала, как кто-то вставлял ключ в замочную скважину, как тот с шумом поворачивался, как дверь, скрипнув, отворилась в сторону.

– Добрый вечер, Женечка! – донесся до нее знакомый, ввергавший в трепет голос. – Вы ведь еще не спите?

В последний момент Евгении удалось нырнуть в кровать и натянуть на себя одеяло, скрывавшее, что она была облачена в халат.

– Вы меня разбудили! – произнесла она недовольным тоном, широко зевая.

Незваная гостья усмехнулась, подошла к кровати и поставила на тумбочку поднос.

– Приношу свои извинения, Женечка! Однако вы сегодня так плохо ужинали, что вам непременно надо выпить этот полезный напиток перед тем, как вы погрузитесь в сон!

Евгения увидела в руке тюремщицы бокал.

– Премного благодарна, однако мне ничего не хочется! – заявила она, поворачиваясь на бок.

Гостья прошлась по комнате, а потом до Евгении донесся недовольный голос:

– Женечка, вы заглядывали в шкаф? Но зачем?

Скрипнула дверца шкафа: гостья прикрыла ее.

– Что вы сделали с моими вещами? – спросила Евгения. – Почему они вдруг исчезли? Ведь до ужина они еще были там…

Она прикусила язык. Тюремщица рассмеялась и произнесла:

– О, вы, Женечка, проверяете свои вещи до и после ужина? Разрешите осведомиться – почему? Чем они вам так дороги? Или вы… Или вы решили покинуть это уютное гнездышко?

Евгения ничего не отвечала. Она понимала, что эта особа доложит обо всем *другим*. И *они* примут меры – какие именно, ей даже и думать не хотелось. Но это будет означать, что она уже не сможет бежать отсюда. С Мухиной дачи. Из Анчуткино. От этих людей. *Вернее, нелюдей!*

– Молчите? Не буду стращать вас, Женечка, однако лучше бы вы сказали мне правду. Потому что правда всегда помогает, не так ли? А теперь выпейте это!

Особа приблизилась к ней, поднося бокал. Евгения замотала головой и повернулась на другой бок.

– Какая вы, Женечка, однако, капризная! Это полезно не столько вам, сколько вашему чаду! Ну, давайте же!

Гостья потянула одеяло на себя, то сползло в сторону.

– Женечка, вы в халате? И даже в тапочках? Интересно, очень интересно! Что это вы задумали?

Мысли в голове Евгении хаотически заметались.

– Мне холодно… У меня озноб… Вот я и решила одеться… И хотелось натянуть на себя что-нибудь из шкафа, но вы все забрали… – прошептала она.

Гостья встревоженно произнесла:

– Озноб? Не хватало еще, чтобы вы простудились! Да, за ужином вид у вас было далеко не самый лучший! Дайте-ка я ваш лоб пощупаю!

Прохладная рука легла ей на лоб, Евгения закрыла глаза. *Сейчас или никогда!*

Она изо всех сил толкнула тюремщицу, которая, не ожидая нападения, тихо вскрикнув, навзничь повалилась на пол. Евгения быстро слезла с кровати и увидела растекавшуюся по паркету *лужу крови* – охранявшая ее особа ударилась головой о мраморный выступ в стене. Евгения шумно вздохнула – видит Бог, *она этого не хотела.* Женя осторожно попыталась нащупать пульс, но сердце Луизы Артамоновны – так звали тюремщицу, – похоже, не билось. А лужа крови, вытекавшая из разбитой головы, увеличивалась с каждым мгновением.

Помочь ей или уйти? Евгения колебалась. В конце концов, это ведь тоже был человек!

Тут она заметила связку ключей, выглядывавшую из кармана накидки Луизы. Это была связка ключей от всего дома. *В том числе и от входной двери!*

Евгения осторожно потащила ее на себя, чувствуя, что медлить нельзя. Но связка вдруг за что-то зацепилась. Пришлось склониться над мертвой тюремщицей. Связка ключей была привязана к внутренней стороне кармана – видимо, чтобы случайно не вывалилась. *Или чтобы никто ее не украл!*

Дрожащими пальцами Евгения стала теребить веревку, однако та не поддавалась. Она оглянулась в поисках чего-то острого. Но никаких ножей, ножниц или хотя бы пилочек для ногтей в ее комнате не было.

Ее взгляд упал на сиротливо стоявший на тумбочке бокал. Евгения подошла к нему, выплеснула содержимое, а затем, зажмурившись, швырнула бокал, целясь в массивную ножку кровати.

Раздался звон, который, вероятно, был слышен и в коридоре. Поэтому времени на долгие сборы у нее не было.

Бокал разлетелся вдребезги, и именно это и требовалось. Выбрав осколок побольше, с острыми краями, Евгения схватила его и снова склонилась над надзирательницей. Лужа крови тем временем начала загустевать.

Женщина перерезала при помощи осколка веревку, удерживавшую связку ключей, и та, наконец, оказалась в ее руке. Евгения возликовала, поднялась, прислушиваясь и убеждаясь, что шагов в коридоре слышно не было.

Она двинулась к выходу, но в этот момент почувствовала у себя на лодыжке чьи-то пальцы. Евгения вскрикнула и заметила, что Луиза Артамоновна, до этого лежавшая недвижимо, вдруг впилась ей в ногу.

– Ты никуда не уйдешь! – прошипела она и дернулась.

Евгения оцепенела – как мог человек с *такой* кровопотерей шевелиться и что-то говорить? Нет, это было невозможно, *решительно невозможно…*

Но здесь, в этом доме, как пришлось ей убедиться на собственном опыте, даже невозможное становилось возможным. *И даже самые дурные кошмары могли вдруг стать реальностью.*

– Ты никуда не уйдешь! – проскрипела тюремщица, а Евгения тряхнула ногой. Однако пальцы надежно держали ее лодыжку, а в кожу впивались острые ногти, *похожие больше на звериные когти.*

Луиза, лежавшая в луже собственной крови, вдруг судорожно пошевелилась. А потом стала, подергиваясь, приподниматься. Лицо у нее было белое-пребелое, как у мертвеца, из раны на виске все еще сочилась черная кровь. Один глаз был закрыт, другой полуоткрыт.

– Ты останешься здесь! – прохрипела она, и Евгения, собрав всю силу воли, ударила ту ногой в грудь.

Хрипя, тюремщица повалилась обратно в лужу собственной крови, держа в руках тапочку Жени. Луиза снова замерла, однако Евгения не рискнула приближаться к ней и пытаться извлечь из скрюченных пальцев свою обувь.

Она посмотрела на шкаф. Подумала о тайнике, в котором осталось то, что было ей так дорого: ее дневник. Ну ничего, *даже тюремщики не подозревают о существовании этого тайника.* И ведь она вернется сюда – когда все закончится! И заберет то, что принадлежит ей по праву. *Заберет, чтобы уйти и никогда более не возвращаться в это проклятое место!*

Поэтому она быстро подошла к двери и распахнула ее. Затем быстро покинула комнату и оказалась в неосвещенном коридоре. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте. Она нащупала ключ, торчавший в замке, и повернула его дважды. А затем вынула и опустила в карман халата.

Так-то лучше. Луиза, даже если снова придет в себя, не сможет выбраться и оповестить своих сообщников о том, *что птичка упорхнула из клетки.*

Евгения двинулась вперед. Хорошо, что ей было известно расположение комнат в доме, и она знала, куда идти.

Однако – и в этом она убеждалась неоднократно и раньше, когда все еще было в порядке, – ночью дом вдруг преображался. Нет, *он изменялся.* И то, что при свете дня или искусственного освещения было таким безобидным и знакомым, в ночи вдруг приобретало угрожающие очертания.

И не только это. Мухина дача, казалось, жила особой, *своей* жизнью. И была участником всего того, что с ней произошло…

Евгения с большим трудом заставила себя думать о чем-то ином. Страх, который на время борьбы с тюремщицей отпустил ее, вернулся снова. Очень хотелось включить лампу, однако беглянка знала, что делать этого нельзя, ибо тогда они поймут, что она пытается бежать.

Миновав анфиладу комнат, она оказалась в холле. Евгения взглянула на уводившую ввысь лестницу. И вдруг ей показалось, что на верхней ступеньке кто-то замер. Она сама застыла, но, присмотревшись, убедилась, что это была игра воображения.

Она двинулась к входной двери – и в этот момент половица под ее ногами скрипнула. Причем раньше она никогда не скрипела! И был это даже не скрип – *а своего рода сигнал.* Мол, задержите ее, она пытается удрать!

Евгения вставила первый попавшийся ключ в замочную скважину – точнее, попыталась сделать это. Он, конечно же, не вошел. Пришлось перебирать все те, что висели на железном кольце. Минуты мелькали одна за другой, напряжение нарастало. И с каждым мгновением увеличивались шансы, что ее обнаружат.

Наконец, последний ключ – вот ведь закон подлости! – с тонким скрипом вошел в замочную скважину. Евгения, чувствуя, что напряжение спадает, повернула его. Первый оборот… Второй… *И третий…*

Однако ключ отчего-то вдруг не пожелал двигаться дальше. Замок заклинило – и как Евгения ни пыталась, она была решительно не в состоянии повернуть ключ в третий раз и тем самым разблокировать замок.

Она вынула ключ, попыталась снова. Ничего не вышло. Судьба была явно не на ее стороне. Да, замок был старый, время от времени заедал, но почему это должно было случиться именно сейчас?

Или… Или это не была случайность? А она сделала так, чтобы пленница не смогла выбраться наружу? *Она – Мухина дача?*

Чувствуя, что к горлу подкатывает нервный комок, Евгения велела себе успокоиться. Как бы то ни было, она выбралась из своей тюремной клетки, и пока что никто этого не заметил. Значит, пока ситуацией управляла она сама.

Если она не могла уйти через центральный вход, то имелась еще возможность выбраться через кухню… Но там, вне всякого сомнения, сейчас находились те, кто ее охранял. Она осторожно выглянула из холла в коридор, который вел в направлении кухни. Так и есть, там, за поворотом, мерцал призрачный свет и слышались голоса.

Имелся еще и подвал, но при мысли о нем Евгению передернуло. Нет, в подвал она после всего того, что произошло там, спускаться не будет, и особенно – ночью!

Значит, оставалась только одна возможность: терраса. *И как она могла забыть о ней!*

Журя себя за непродуманные действия и за то, что с самого начала не попыталась уйти именно так, Евгения вернулась в коридор, затем миновала столовую, перешла оттуда в библиотеку и оказалась, наконец, в музыкальном салоне.

Махина рояля походила в темноте на кровожадного, изготовившегося к прыжку монстра. Евгения прошла мимо и оказалась около скрывавшего выход на террасу занавеса. Она отдернула его – и была ослеплена вспышкой света.

Сначала она подумала, что кто-то направил ей в лицо фонарик, а потом поняла, что это отблеск мелькнувшей в ночном небе молнии. В подтверждение ее мыслей донесся глухой раскат грома.

На улице бушевала гроза! Это, конечно, не облегчало ее побег, но делать было нечего. Она не могла оставаться здесь ни минуты!

Она снова вставила первый попавшийся ключ в замочную скважину двери террасы – и, надо же, тот подошел. С гулко бьющимся сердцем Евгения повернула один раз, потом второй, наконец, третий…

И, конечно же, на третий раз ключ заело. Рассердившись, Евгения ударила рукой по двери, в стеклянных квадратиках которой причудливо отражались зигзаги бороздивших небо молний, и дверь вдруг, совсем по-человечески кашлянув, поддалась.

Ключ, хоть и с трудом, сделал третий поворот. Евгения, не веря в это, потянула дверцу на себя. И та, внезапно ожив, вырвалась у нее из рук – и резкий порыв холодного, перемешанного с каплями дождя, ветра ворвался в музыкальный салон.

Занавес вздулся, превратившись в парус. А декоративные белые занавески заколыхались, превращаясь в некие подобия привидений. Однако страх, до этого терзавший сердце Евгении, вдруг куда-то испарился.

Потому что перед ней лежал путь на свободу. *И уже ничто не могло помешать ей.*

В этот момент новый, очень сильный порыв ветра ворвался в дом – занавеска ударила ей в лицо, а потом, топорщась, задела что-то, кажется, вазу льежского фарфора, стоявшую на этажерке.

И та полетела на пол, разлетевшись на кусочки с неимоверным, апокалиптическим треском. А вслед за ней повалилась и этажерка, падение которой тоже произвело немало шума. Наконец, одна из картин в тяжелой золоченой раме качнулась, словно о чем-то раздумывая, а потом ухнула вниз – причем так неудачно, что приземлилась на хребет рояля, а оттуда соскользнула на неприкрытые клавиши.

По музыкальному салону – нет, *наверняка по всему дому!* – разнесся какофонический вздох, немыслимое, терзающее слух сочетание несочетаемых аккордов и музыкальных интервалов. Ни одна сигнализация не могла бы сработать эффективнее.

Только мертвые не могли бы услышать этот грандиозный шум – впрочем, даже и они пробудились бы к жизни и ринулись посмотреть, что же такое случилось. А звуки рояля не оставляли сомнений в том, где именно случилось что-то непредвиденное – *в музыкальном салоне!*

До Евгении донеслись топот и возбужденные голоса. И она знала, что вот-вот в музыкальный салон ворвутся люди, которые… *Которые не желают ей ничего хорошего!*

Но она не растерялась, а, наоборот, обрела присутствие духа. И первым делом закрыла две двери, которые вели с разных концов дома в музыкальный салон. А затем обернулась к раздувавшейся занавеске.

Та, впрочем, вдруг приняла странные очертания, создавая иллюзию того, что за ней кто-то притаился. Не то человек, не то зверь. Или, кто знает, *и то и другое в одной ипостаси?!* Но страх как исчез, так и не возвращался. Да, после долгих месяцев в этом доме ничто уже не могло удивить Евгению – и ничто не могло напугать ее! Она подумала о подвале и о том, с чем ей пришлось столкнуться в нем. А также о том ужасном сборище в подземелье…

Ну, или практически ничто!

Она резко отдернула занавес и убедилась, что за ним никого не было. *Никого и ничего.* Как и все остальное, эта угроза оказалась иллюзией.

Все страхи – иллюзия?

Она шагнула к распахнутой двери террасы – и вдруг та со всего размаху захлопнулась прямо у нее перед носом. Причем так, как будто ее толкнул кто-то разъяренный и явно не согласный с планом ее побега!

А тем временем преследователи уже ломились в одну из дверей музыкального салона.

– Дверь закрыта! С обратной стороны! Попробуйте тогда другую! Ну, живее! И вообще, проверьте, что с пленницей!

Пленница... Они имели в виду ее саму. А ведь все началось так идиллически… Но даже в этой идиллии с самого начала таилось что-то непонятное и тревожное. Она просто не хотела этого замечать… Не хотела этому верить…

Евгения попыталась распахнуть дверь, но ту заклинило намертво. Она видела перекошенную раму и треснувшие квадратики стекол. Как она ни пыталась, открыть дверь не получалось. Во всяком случае, ее силами и в ее интересном положении.

Она навалилась на дверь – и в этот момент ощутила легкий удар. *Это был ребенок!* Он подал ей сигнал изнутри живота!

Евгения опустила руки на живот и погладила его. Еще бы, малыш наверняка перепугался. И просит ее, чтобы она прекратила. Однако она не может прекратить, потому что иначе все вернется на круги своя. А именно этого она и хотела избежать.

– Миленький мой, все будет в порядке! Потерпи, пожалуйста, немного! – заявила она, гладя живот. – Все будет хорошо, я тебе обещаю. Но нам нужно сейчас отсюда уйти, нужно, понимаешь?

Малыш вдруг волшебным образом успокоился, но вместо этого возобновились удары в двери, что вели в музыкальный салон, – причем что в одну, что в другую. Евгения поняла, что попала в западню и окружена с обеих сторон. Уйти она могла только через террасу – и то только до той поры, пока они не догадаются послать кого-то через сад в обход, чтобы он блокировал и этот выход!

А они ведь наверняка уже кого-то послали!

Значит, времени не было. Она снова подошла к заклинившей, перекосившейся двери террасы. Обвела взглядом музыкальный салон, заполненный эхом диких криков и ударов, сыпавшихся на двери. Ее взгляд остановился на рояле, под которым лежала упавшая картина.

– Ты ведь выпустишь нас, не так ли? – произнесла она тихо. – Потому что я всегда любила тебя – это была любовь с первого взгляда! И все еще люблю тебя! Однако настало время уйти отсюда! Но я обещаю, что вернусь! Когда все закончится… *Если все закончится*...

Она знала, что все это звучит смешно и, более того, не вполне нормально. *Однако что могло быть нормальным в этом доме после всего, что произошло с ней?*

– Прошу тебя! Потому что речь идет не только обо мне. Но и о нем!

Евгения положила руку на живот. В этот момент дверь террасы вдруг скрипнула, а несколько стеклянных квадратиков упали к ее ногам, разлетаясь на мириады осколков. Наверняка новый порыв ветра, не более того… *Или*...

Или Мухина дача услышала ее?

На размышления времени не было. Евгения просунула руку сквозь образовавшееся отверстие, ухватила ручку с обратной стороны и толкнула дверь от себя. Но та прочно сидела в проеме, отомкнуть ее не было ни единого шанса.

Вдруг дверь словно сама собой открылась – отлетела в сторону, и все тут. Евгению с головы до ног обдало брызгами дождя. А дверь, несмотря на сильные порывы ветра, который уже переходил в бурю, словно приглашала ее выйти прочь.

Евгения выбежала на террасу, успев заметить, что двери в музыкальный салон трещали под натиском преследователей. В тот момент, когда одна из них поддалась, дверь террасы снова с силой захлопнулась. Да причем так, что открыть ее в этот раз никто бы явно не смог.

Холод немедленно пронзил тело Евгении. Еще бы, ведь на ногах у нее была только одна тапочка! Поэтому она сбросила ее, ступив ногами на покрытый водной пленкой мрамор. А затем подошла к лестнице, что вела вниз, в сад.

Сбоку, со стороны центрального входа, она заметила несколько метавшихся во тьме светящихся точек. Это были ее преследователи с фонарями. Она ведь быстро ходить не могла – они догонят ее! *Так как же теперь уйти от них?*

В этот момент один из зигзагов молнии ударил в высоченную сосну, стоявшую неподалеку. Раздался оглушительный треск, – и сосна вдруг стала валиться набок. А потом грохнулась на землю, полностью перегородив преследователям доступ со стороны центрального входа.

Сосна была такой громадной, что ее верхушка задела крышу дома и, кажется, даже повредила ее. При падении дерево зацепило преследователей, потому что раздались нечеловеческие вопли, сопровождаемые ругательствами. А вслед за ними сосна вспыхнула пламенем – то ли от удара молнии, то ли от фонарей, которые держали в руках преследователи.

Евгения спустилась по лестнице, ее ноги погрузились в траву – мокрую и холодную, но такую приятную. Женщина обернулась, заметив, что занавеска музыкального салона колыхалась теперь со стороны сада, раздуваясь, как гигантский платок, которым бы махал великан, провожая ее в далекий путь.

Женщина взглянула на темную громаду дома. Здесь она провела последние месяцы – месяцы, ставшие самыми невероятными, самыми счастливыми, а потом и самыми ужасными в ее жизни.

И центром всего этого было он – *дом.* Старинный, таинственный дом, который, казалось, жил отдельной жизнью. Такой красивый и притягательный. И одновременно хранивший столько тайн и секретов…

Теперь же Мухина дача страдала, словно была живым существом, потому что горящая сосна повредила ее крышу. А что, если огонь перекинется на постройки?

Евгения отвернулась, понимая, что времени для сантиментов нет. Она не могла более задерживаться, ей надлежало идти вперед. *Потому что только так она могла спасти себя и своего ребенка.*

– Пожар! Пожар! – завопил кто-то истошно. – Сосна горит! А вместе с ней и крыша! Надо тушить, надо тушить!

Она двинулась вперед, понимая, что у преследователей появились гораздо более насущные проблемы, чем исчезновение пленницы. И почему они вообще держали ее в доме, как в тюрьме?

Ответ находился в ней самой – в ее чреве. Конечно же, ее ребенок! Они хотели забрать его. Евгения даже и думать не хотела о том, что эти люди намеревались учинить с ним. *И с ней самой.*

Хотя она знала, что их ждало – *смерть.* Те, кто охотился за ними, не ведали пощады и были готовы пойти на любое преступление. Ее преследователи были лишены всего человеческого, можно было даже задаться вопросом: *а люди ли они вообще?*

Но это был вопрос, который в данный момент занимал Евгению меньше всего. Ее ноги утопали в воде, вода лилась с неба, освещенного сиренево-фиолетовыми прожилками молний. Наконец, она пересекла лужайку и оказалась в рощице – теперь разглядеть ее среди деревьев было очень сложно.

Она осмотрелась по сторонам, зябко поводя плечами. И куда теперь идти? Ну конечно же, в городок! *Хотя…* Хотя, вероятно, ей требовалось двигаться прямиком в Москву. Потому

что только там она могла чувствовать себя в относительной безопасности. Только там она могла обратиться к представителям власти, не опасаясь того, что они – заодно с ее преследователями.

Однако стоило ли вообще рассказывать хоть кому-то о том, что с ней случилось? Потому что она не могла ничего доказать, и история звучала более чем неправдоподобно. Даже если она и попадет в руки честных сыщиков, то они элементарно ей не поверят. А что хуже всего, сочтут ее или патологической лгуньей, или типичной сумасшедшей, страдающей манией преследования.

Однако ведь имелись ее записи! Евгения подумала о тайнике, в котором они хранились. Оставалось надеяться, что тюремщики до него не доберутся. И что дом не сгорит дотла, уничтожив свидетельства тех страшных событий.

Но даже если они и сохранятся – что они доказывают? Любой следователь и тем более врач-психиатр могут счесть их плодом ее разбушевавшегося воображения. Ведь тот факт, что события – *реальные, а не мнимые!* – изложены на бумаге, не делает их в глазах скептических читателей подлинными. Любой и каждый сможет заявить, что все, что написано, выдумка.

Но ее заточение в доме не было выдумкой! И череда странных и зловещих событий тоже не была таковой. В конце концов, *все эти смерти* тоже не были плодом ее воображения!

Только что это доказывает? Евгения знала, что те, кто вел за ней охоту, крайне изворотливы и хитры. И держат все в своих руках. Они приложат максимум усилий, чтобы ей никто не поверил. И захотят во что бы то ни стало заполучить обратно ее – точнее, ее ребенка!

А именно этого она и не желала допустить. Евгения взглянула на пылавшую оранжевым крышу дома. Несмотря на то что ливень уже давно перешел в бурю, огонь не стихал. Словно стихии поставили перед собой задачу – стереть с лица земли Мухину дачу и все, что с ней связано.

А также все, что ее населяло…

Евгения почувствовала, как из глаз у нее заструились слезы. Да, ей было жаль Мухину дачу – как было бы жаль хорошего знакомого или друга. Но, вероятно, случившееся было к лучшему. Потому что все, что произошло с ней – а также со всеми другими, – было, как она поняла, связано с домом. Нет, конечно же, она не считала, что Мухина дача – живое существо. Потому что это было бы верхом глупости. Дом был домом – из камня, мрамора, кирпича, стекла и дерева.

Но тем не менее Мухина дача была эпицентром всех этих событий. Она дала толчок их развитию. И она манила этих странных людей, которые вели на нее охоту. Так же как капкан, установленный охотником, не виноват в страданиях и гибели попавшегося в него животного, так и дом не был причастен к ее судьбе. А также к судьбе тех, кто погиб в нем до нее. И, если не положить этой вакханалии конец, *погибнет и после!*

Для этого, однако ж, Мухина дача сама должна была исчезнуть с лица земли. И это, судя по всему, сейчас и происходило. Но почему было так больно, почему ей не хотелось уходить отсюда?

Евгения знала, что иного выхода у нее не было. В этот момент вдруг раздался оглушительный, уже знакомый ей треск – и еще одна сосна, пораженная молнией, полетела вниз. И при этом так удачно, что сбила с крыши первую горящую сосну. Ливень же делал свое дело – и огонь на крыше начал затухать.

Значит, не суждено дому было сгореть. Как будто… Как будто силы природы сговорились и приняли решение не стирать Мухину дачу с лица земли.

А вместе с тем и тех, кто живет в доме.

Силы природы… *Или иные силы?* Но как разумный, рационально мыслящий человек, Евгения не верила ни во что иное. И уж точно – в бабушкины сказки или макабрические страшилки.

Дело было не в них – а в той самой сути, к которой она сумела приблизиться, но так и не смогла разгадать. Дом – этот самый дом – был началом и концом, альфой и омегой, входом и выходом… И если рассуждать логически…

Но в эту ночь ей было не до логики. Потому что она внезапно осознала, что за ночь это была. *Последняя ночь апреля.*

Она вспомнила все то, что слышала об этом. Разрозненные факты в ее голове вдруг соединились, и Евгения поняла то, что не могла понять все это время.

Что ж, это было вполне допустимым объяснением всего того, чему она стала свидетельницей. Но это не умаляло опасности, которая нависла над ней. А, скорее, даже увеличивало ее.

Ей требовалось быть осторожной, *крайне осторожной*...

Евгения зашагала прочь, кутаясь в насквозь промокший халат. Тут, под защитой крон деревьев, ливень был не таким сильным. Однако она понимала, что не могла прятаться здесь все время. Рано или поздно рассветет – и тогда преследователи, занятые сейчас тушением пожара, найдут ее.

Да, ей требовалось покинуть территорию усадьбы. Причем чем быстрее, тем лучше. И пусть даже на своих двоих – но ей надо спастись. Точнее, спасти – *не столько себя, сколько своего ребенка.*

Малыш вдруг снова дал о себе знать, и Евгения попыталась мысленно успокоить его. Она не ведала, сколько времени понадобилось для этого, однако когда чадо вдруг замерло, ее тело пронзила тупая боль.

Евгения заставила себя идти вперед – дороги назад не было. Да и ключи, в том числе и от тайника с дневником, она потеряла где-то в саду. Женя боялась самого страшного, что могло приключиться в эту никак не желавшую завершаться ночь, последнюю ночь апреля.

Поэтому, превозмогая боль, усиливавшуюся с каждым мгновением, она шла вперед, цепляясь за стволы деревьев, хватаясь за колючие ветки кустарника. Перед глазами у нее плыли красно-черные круги, в ушах звенело.

Наконец, она вышла на проселочную дорогу – и в отсветах молний заметила старое кладбище, располагавшееся по другую сторону. Оно всегда внушало ей трепет, от него исходило что-то… Некая отрицательная аура, как сказали бы люди, разбиравшиеся в тонких материях. А рационалисты бы отметили, что его давно пора сровнять с землей.

В этот момент на нее накатил новый приступ боли, и Евгения, не в силах больше выносить ее, повалилась в грязь. Она даже потеряла сознание, а когда пришла в себя, то увидела, что в глаза ей бьет нестерпимо яркий свет.

Они нашли ее!

– Господи, с вами все в порядке? – донесся до нее испуганный голос. Она поняла, что на дороге стоит тарахтящий автомобиль, а около него подтянутый военный.

Евгения попыталась что-то вымолвить, но не смогла, из горла вырывалось только клокотание. Из недр автомобиля появилась дама в большой шляпе.

– Ах, бедняжка! – произнесла она и, невзирая на грязь и дождь, опустилась с подножки автомобиля на дорогу. – Только почему она в халате и босиком? Господи, она на сносях!

Дама склонилась над ней, а потом всплеснула руками:

– Серж, сдается мне, что нам надо срочно ехать в больницу! Ибо несчастная не просто на сносях, она вот-вот родит!

– Машенька, ты уверена? – спросил нервно военный, и в этот момент раздался сигнал клаксона. На обочине затормозил еще один автомобиль.

– Женечка, вот ты где! – раздался знакомый голос. Евгения дернулась, пытаясь подняться, но из этого ничего не вышло.

Преследователи приблизились к ней – щерясь, держа в руках фонари.

– Премного вам благодарны, но мы теперь сами разберемся! – заявил один из тюремщиков. – Мы сейчас заберем ее домой!

Военный облегченно вздохнул, а дама упрямо заявила:

– Кто вы такие, господа? Отчего бедняжка, завидев вас, дрожит как осиновый лист? Сдается мне, что она не хочет с вами идти!

Военный потянул даму за рукав, пытаясь урезонить, а один из преследователей вздохнул:

– Милостивая государыня, эта несчастная – моя супруга. Как вы видите, она в положении. И беременность усилила, гм, психическую болезнь, и без того затмевавшую ее разум. Сегодня ночью, напуганная грозой, она решила вдруг убежать прочь. Мы с ног сбились, пытаясь ее отыскать!

Военный, явно удовлетворенный этим объяснением, тотчас вызвался помочь донести Евгению в автомобиль преследователей. Евгения, как могла, пыталась дать понять, что делать этого ни в коем случае не надо, но была слишком слаба и оглушена болью, дабы сопротивляться.

Однако дама в большой шляпе правильно интерпретировала ее мычание.

– Если это так, то несчастную нужно доставить в больницу! Ибо она вот-вот родит! А что, если ночной вояж оказал негативное воздействие на нее и ребенка?

– Уверяю вас, беспокоиться не стоит! – заявил раздраженно один из преследователей, помогая уложить Евгению на заднее сиденье автомобиля. – У нас имеются свои собственные врач и повитуха…

В этот момент у него чего-то выскользнуло и полетело в грязь. Он суетливо поднял предмет: *это был странной формы блестящий нож с витиеватой ручкой, покрытой странными знаками.*

Военный хмыкнул, а преследователь пояснил:

– Сабля… Турецкая, старинная… Схватил дома первое, что попалось под руку, прежде чем на поиски жены отправиться…

Женя знала: они врут! Никакая это не сабля, а предмет их страшного ритуала! Того самого, которому она стала тогда свидетельницей…

Знала – но сказать была не в состоянии…

Дама в шляпе вдруг воскликнула, указывая на его напарника:

– Так несчастная на сносях вроде бы его жена, он только что это утверждал!

Тип стушевался и пробормотал:

– Да, да, его жены, хотел я сказать… И моей сестры…

– Она ваша сестра? Вы совершенно непохожи! – настаивала дама в шляпе.

– Машенька, ну не стоит ставить господ в неловкое положение… – начал военный, но дама воскликнула:

– Серж, никуда мы их не отпустим! Приказываю тебе их задержать! Они крайне подозрительные типы! И явно желают похитить несчастную!

Преследователи переглянулись, Серж замялся, пытаясь успокоить Машеньку. Но та, топнув ножкой, заявила:

– Я приказываю тебе!

Один из типов ухмыльнулся и не без издевки осведомился:

– Неужели вы, ваше благородие, позволяете женщине командовать собой?

Военный набычился, а потом резко заявил:

– Мария, оставим господ в покое! Разве не видно, что они пытаются урезонить несчастную умалишенную?

И, взяв даму за руку, поволок ее обратно к своему автомобилю. Евгения, наблюдавшая за происходящим с заднего сиденья автомобиля похитителей, предприняла попытку что-то сказать, однако силы катастрофически быстро покидали ее.

Один из типов, захлопнув дверцу, с ухмылкой произнес:

– Ну что же, милая моя, устроила ты беготню! Однако, как сама видишь, это ни к чему не привело. И поспешу тебя успокоить – пожар уже потушили, крышу, конечно, придется новую класть, однако это второстепенно.

Его дружок, садясь за руль, сказал:

– А теперь поедем обратно! Точнее, конечно, уже не в дом, а сюда, на кладбище! Потому что церемония состоится прямо сейчас! Наши братья и сестры уже начали мессу. И все дожидаются тебя! И твоего малыша!

Евгения силилась что-то сказать, а тип, усевшийся на сиденье рядом с ней, потрепал ее по щеке и заявил:

– Ведь сегодня знаменательный день! Такой нечасто бывает! Раз в пятьдесят лет! И ты вот-вот родишь! Твой ребенок нам нужен!

– А вот ты – нет! – прогоготал сидевший за рулем, заводя мотор. – Поэтому твой малыш будет жить, а тебе придется умереть! Ну ничего, больно не будет. Ну, или почти…

В этот момент раздался выстрел. Автомобиль вдруг замер. Дверь распахнулась, и дама в большой шляпе ринулась к Евгении. Около нее, с дымящимся револьвером в руке, стоял военный.

– Мы все слышали! – отчеканил он сурово. – Мы решили вернуться и помочь вам – и услышали ваши ужасные речи!

Типы переглянулись, один из них в нерешительности произнес:

– Нет, вы все не так поняли… Мы вели речь о бредовых фантазиях, которые преследуют мою дорогую жену…

– Так она же ведь вам сестра? – заявила холодно дама, кладя руку на лоб Евгении. – Видишь, Серж, эти типы явные бандиты. Они даже не знают, кем именно приходится им несчастная – сестрой или женой! А в действительности – ни той, ни другой!

– Выходим по одному из автомобиля! – приказал военный, державший типов на мушке. – Руки за голову. И не советую вам совершать резких движений – стреляю я отлично!

Типы, уже не стараясь убедить его в своей невиновности, выбрались из авто. Дама воскликнула:

– Серж, несчастную надо срочно в больницу! Похоже, что у нее родовая горячка. Только вот как перенести ее к нам в автомобиль…

Она задумалась, а потом воскликнула:

– Ну конечно же, мы не будем переносить ее в наш, а поедем на этом! А наш оставим здесь! Даже если они его и угонят, то мы будем знать, на каком авто они передвигаются!

– Гениальная идея! – воскликнул военный, а Евгения, перед глазами которой все двоилось, вдруг заметила, что типы, которых Серж держал на мушке, мерзко ухмыляются. Они явно что-то задумали…

Евгения попыталась дать сигнал даме, но та упорно ничего не понимала.

– Что вы сказали, милочка моя? Ах, вы так слабы, лучше экономьте силы. Серж, ну что, садись за баранку! Серж, почему ты тянешь! Серж!

Она обернулась – и увидела ужасную картину: военный лежал в грязи лицом вниз. А около него, подле странной формы дуба, у которого было две кроны, стояла миловидная девица, одна из служанок на Мухиной дачи, сжимавшая в руке окровавленный кривой кинжал с рукояткой, покрытой странными письменами.

Дама пронзительно закричала, бросилась к Сержу, но тут ее схватил один из типов. Евгения увидела, как миловидная служанка взмахнула кинжалом, которым она до этого пырнула Сержа, а потом перед ее глазами все вдруг сделалось черным.

В себя Евгения пришла от холода. Она с большим трудом приподняла голову и увидела, что находится то ли в подвале, то ли в пещере. И только приглядевшись, осознала, что это был кладбищенский склеп.

Конечно, она ведь уже была здесь! Тогда…

Склеп был освещен факелами, прикрепленными к каменным стенам. А сама она находилась на некоем подобии алтаря. Евгения дернулась – и поняла, что ее руки и ноги прикованы тонкими, но чрезвычайно прочными металлическими цепочками к вмонтированным в каменную глыбу железным кольцам. Женщина увидела, что была совершенно нага.

В склепе она была не одна – он, *как и тогда*, был заполнен фигурами, облаченными в белые балахоны с капюшонами. Лиц тех, кто собрался на эту темную мессу, видно не было.

Но она и так знала, кто эти люди. *Вернее, нелюди.*

Около нее возникла фигура в черном балахоне – она властно подняла руку, а потом стала скороговоркой что-то бормотать.

Женя, увы, отлично знала, кто был предводителем этих убийц! *Но отдала бы все, чтобы не знать…*

Это была латынь. До нее долетал смысл отдельных словосочетаний: речь шла о том, чтобы преподнести кому-то дар.

Наконец около Евгении появилась невысокая плотная дама, лицо которой она, в отличие от других, могла видеть. Она знала ее – это была акушерка Евдокия Романовна. Она несколько раз навещала Евгению и с первого же посещения произвела на нее крайне неприятное впечатление.

Тем временем собравшиеся затянули странную песнь, с каждым куплетом бормоча латинские слова все быстрее и быстрее. Акушерка приблизилась к Евгении, ее ледяная рука прикоснулась к ее огромному животу.

– Пощадите моего ребенка! – закричала Евгения, понимая, что жалости от этих людей в балахонах ожидать не приходится.

Евдокия Романовна усмехнулась и сказала:

– О, о ребенке, милочка, можете не беспокоиться. На вашем месте я бы задумалась о собственном будущем!

Затем в ее руке мелькнул шприц. Евгения попыталась помешать акушерке сделать инъекцию, но та без труда всадила иглу куда-то в бедро. По телу Евгении побежали теплые волны. Мысли окончательно смешались, она словно провалилась в черную дыру. Только время от времени до нее долетали слова сатанинской песни, а также команды акушерки.

А затем резкая боль пронзила тело Евгении. Боль, которая с каждым мгновением не стихала, а, наоборот, усиливалась. Она закричала – и вдруг ощутила, что изо рта у нее не вырывается ни звука. Боль раздирала, глушила, давила. Сквозь красную пелену, застлавшую глаза, Евгения видела, как акушерка извлекла что-то – *извлекла из нее!*

Да, она только что приняла у нее роды! Только все в этой ночной процедуре было нацелено на то, чтобы мать, подарившая ребенку жизнь, не увидела рассвета.

Акушерка осторожно передала новорожденного человеку в черном балахоне, одновременно перерезая при помощи кривого кинжала с рукояткой, покрытой странными письменами, пуповину. Евгения из последних сил приподняла голову, желая увидеть своего ребеночка. Это был сын, *ее сын…*

Человек в черном балахоне поднял ребенка – лица его женщина не видела, только темные волосики на затылке – над головой, потом с силой тряхнул, и тот вдруг пронзительно

закричал. Собравшиеся издали возглас изумления. А затем снова затянули свою страшную песню. Евгения видела, как человек в черном балахоне опустился на колени, держа ребенка – ее ребенка! – на вытянутых руках.

Они все, даже несносная акушерка Евдокия Романовна, поклонялись ему!

Боль немного отступила, Евгения мечтала только об одном – чтобы все как можно быстрее закончилось. Но она ни за что не хотела отдавать ребенка этим людям. Потому что они явно намеревались использовать его для своих ужасающих целей…

Она шевельнулась, тихо звякнув цепями, которыми была скована по рукам и ногам. Уже поднявшийся с колен субъект в черном балахоне кивнул, и ее окружили его подручные в белых плащах.

– Мой сын… Я хочу увидеть его…

Ее слова долетели и до типа, что вел церемонию. Он приблизился к ней и спросил глухим голосом:

– Ты хочешь видеть своего сына? Точнее, нашего… Того, кого ты подарила… *ему?*

Ему? Кого они имели в виду? Евгения уже догадывалась, кого именно, но упорно гнала от себя эту мысль. Нет, нет, нет! Она никому и ни за что не отдаст своего ребеночка! *Это ее сын, только ее!*

– Хочу! – прошептала она, и человек в черном произнес:

– Даже если его лицо будет последним из того, что ты увидишь в своей жизни?

Неспособная отвечать, Евгения только кивнула. Тип в черном расправил плечи, приблизился к ней – а потом повернул к ней ребенка, ее сыночка, лицом.

Евгения взглянула в его лицо – и закричала. Ужас, отчаяние и боль наполнили ее душу, а в голове билась только одна мысль – нет, *не может быть!*

Не может быть, что она произвела на свет *это*. Этого крошечного *монстра*, это миниатюрное *чудовище!*

А ребенок в этот момент запищал, и это послужило сигналом. Собравшиеся вокруг алтаря, на котором она покоилась, вскинули вверх руки – у каждого в кулаке был зажат кривой кинжал с покрытой старинными письменами рукояткой.

И затем они одновременно опустили их на несчастную Евгению – она же, не отрываясь, смотрела на лицо своего сына, которого держал в руках человек в черном.

Нет, это не был ее сын! *Это вообще был не человеческий ребенок*, ведь там, на лбу, под темными волосиками, у него пробивались… Нет, это были не бородавки и не родинки, а… *А рога!*

Как и у его истинного отца!

И все равно… Даже если так, она все равно любила это порождение тьмы ночной! Она была готова прижать его к себе, приголубить, дать ему грудь…

Но вместо этого ее грудь пронзили стальные клинки. Смерть была быстрой и практически безболезненной.

После того как Евгения умерла, субъект в черном вознес малыша к потолку склепа и прогудел:

– О Хозяин! Мы просим тебя принять этот дар! И явиться нам, явиться, явиться…

Сто лет спустя

Автомобиль подпрыгнул – и вдруг замер. Евгению сильно тряхнуло, и не будь она пристегнута ремнем безопасности, она бы наверняка ударилась головой о потолок.

Артем, что-то проворчав, выскочил из автомобиля. Над ним он трясся так, как будто заключил брачный союз именно с машиной, а не с Евгенией. Впрочем, пожаловаться на супруга Женя не могла – она прекрасно знала, что Артем без ума от нее. Как, впрочем, и она от него.

Она последовала за Артемом, однако ее внимание привлек старый дуб на обочине проселочной дороги. Дерево было странной формы, изогнутое, с двумя кронами. Причем на одной кроне были зеленые листья, а на другой – *только мертвые ветки.* Дуб производил гнетущее впечатление, но в то же время в нем имелось очарование уродства.

Женя вынула мобильный и сделала несколько фотографий. Она любила коллекционировать такие вот раритеты – потом, рассматривая снимки, она быстро вспоминала основные вехи той или иной поездки.

– Все в порядке? – спросила она, подходя к мужу, возившемуся с колесом.

Он отшвырнул в сторону изогнутую железку и буркнул:

– И какой черт дернул нас свернуть на эту проселочную дорогу!

Впрочем, другой и не было. Навигатор упорно советовал им ехать по шоссе и дальше, однако они повелись на несколько скособоченную вывеску «Анчуткино 3 км», которая бросилась Жене в глаза. А по шоссе им пришлось бы в объезд пиликать все десять, если не двенадцать километров.

И вот результат… Женя присела около Артема и положила ему руку на плечо. Муж, потрепав ее по ладони, добавил примирительно:

– Такие здесь места! Нет, явно знак, что нам здесь делать нечего! И уж точно – не дом покупать! Придется менять колесо!

Женя вздохнула и посмотрела на железяку, ставшую причиной их аварии. И что это вообще такое? Запчасть сельскохозяйственной техники? Реликт времен Великой Отечественной войны? Или, кто знает, модернистский шедевр, который прямо так – в ржавчине, со слоем грязи – можно выставить в столичной галерее и в итоге втюхать доверчивому олигарху за сумму с шестью нулями?

Женя, помимо всего прочего, сотрудничала с рядом московских художественных галерей и была в курсе, какие там сбывались «шедевры».

Евгения хихикнула, Артем пожелал знать, чему она так радуется – он все еще никак не мог смириться с тем, что они попали в аварию. Женя рассказала ему о том, что пришло ей в голову, а Артем заявил:

– Выкинь эту дрянь подальше! Не хватало только, чтобы мы на нее на обратном пути наехали. Потому что запаска у меня только одна!

Женя отволокла железяку под старый дуб с двумя кронами. Странно – она отошла всего на двадцать метров, а как будто в другой мир попала. Она наблюдала за Артемом, менявшим колесо, однако ей казалось, что их разделяет неведомая прозрачная преграда.

Под дубом было тихо – и как-то… *Как-то жутко.* То ли вид дерева на нее так подействовал, то ли их авария. В третьесортном фильме ужасов парочка, свернувшая не на том повороте, после такой вот аварии непременно становится ужином для семейства людоедов. Причем, что занимательно, в таких фильмах людоеды всегда какие-то жуткие монстры, якобы жертвы радиационного излучения на атомном полигоне, подле которого они всем выводком обосновались и, несмотря ни на что, плодятся и множатся, а помимо этого демонстрируют чудеса выносливости, ловкости и спортивного духа, которым позавидовали бы лучшие спортсмены планеты. В действительности несчастные с их уродствами и болезнями должны были бы еле передвигаться и вообще скончаться в раннем детстве, а не с упоением охотиться на глупых туристов.

Хотя какие людоеды-мутанты могли быть под Москвой? Женя взглянула на дерево с двумя кронами – оно что, тоже жертва радиационного излучения? Ну нет, ему не меньше ста лет, а то и больше, вон оно какое высокое и мощное. Наверняка просто естественная генетическая мутация.

Женя положила железяку с тыльной стороны дуба и присела, чтобы рассмотреть знак, появившийся из-под слоя отвалившейся грязи. Нет, явно не символ Сталинградского трак-

торного завода или какого-нибудь «ЗИМа». Значок был затейливый, больше походивший то ли на знак Зодиака, то ли на алхимический символ. Но Женя, по роду деятельности сталкивавшаяся и с тем, и с другим, была уверена, что это что-то иное.

Только вот *что*? И, занятнее всего, *как* это оказалось здесь, на проселочной дороге возле подмосковного Анчуткина?

Женя снова сделала несколько фотографий, пытаясь снять странный символ как можно четче. У нее есть знакомые, у которых можно при случае поинтересоваться, что это за эмблема такая экзотическая…

Она оперлась о шершавую кору дуба и посмотрела вбок. Евгения заметила покосившуюся ограду, а за ней – кривые кресты и провалившиеся крыши некогда роскошных усыпальниц. Старинное заброшенное провинциальное кладбище! Еще один мотив для третьеразрядного фильма ужасов!

Или для перворазрядной фотосессии! Ведь Людмила, ее хорошая подруга, работавшая в модельном агентстве, искала недавно необычное место для таковой. Женя сделала еще пару снимков – надо обязательно показать Люде!

Тут ее пальцы нащупали что-то на коре дуба. Евгения присмотрелась – так и есть, кто-то решил увековечить свою память на дереве. Странно, но, присмотревшись, она увидела полустертый знак – *тот же самый, что до этого обнаружила и на железяке.* Кто-то вырезал его на коре, приложив для этого немалые усилия.

Внезапно Жене сделалось страшно. Только вот с чего? В двадцати метрах находился ее любимый, готовый в любой момент прийти на помощь супруг. Да, под боком имелось кладбище, но ведь она никогда не боялась живых мертвецов или зомби. К тому же был белый день, предпоследняя июньская суббота, жаркая и солнечная.

Никаких причин впадать в панику у нее не было. Да и вообще, она никогда не отличалась особой впечатлительностью. Нет, это был не страх, а чувство тоски и безнадежности…

Тут она пригляделась к вырезанному на коре знаку и обнаружила рядом еще одно старинное «граффити». «Женечка Рыбкина, я всегда буду любить тебя. Твой…» Кто написал это душераздирающее признание в любви, узнать было нельзя – кусок коры был оторван. Зато можно было увидеть, когда это произошло: *аж в 1913 году!* То есть больше ста лет назад! Вот это любовь, такая, которая никогда не умрет!

Женя подумала о том, кем же была ее неведомая тезка – тезка, которая, увы и ах, давно уже покоилась, не исключено, на том же самом кладбище, что располагалось рядом. Вышла ли эта Евгения Рыбкина за своего неведомого воздыхателя, чье имя история не сохранила, или изменяла с ним своему мужу? Вот она бы своему Артему ни за что бы изменить не смогла – да и, собственно, *незачем*. Или это было случайное знакомство, так ничем и не завершившееся – только вот этим признанием в любви на стволе дуба с двумя кронами?

Или Евгения Рыбкина и ее друг поженились, жили долго и счастливо, наплодили детей и умерли в один час? С учетом того, что через год после «гравюры» на коре дуба началась Первая мировая, за которой последовали две революции, Гражданская война, эпоха Сталина, массовый террор и Вторая мировая, то вряд ли… Да, может, и были счастливы, если им вообще удалось соединиться, но вряд ли долго…

Хотя, кто знает…

– Вот ты где, Женя! – раздался голос Артема, возникшего из-за дуба так неожиданно, что Евгения вздрогнула. – А я тебя обыскался! Хотел даже на мобильный звонить, но тут, как назло, сигнала нет!

Только потом он заметил, что она дрожит. Артем привлек ее к себе и поцеловал.

– Что-то здесь холодно… – промолвила Женя, прижимаясь к супругу. Нет, ей определенно повезло с мужем. Наверное, с неведомой Евгенией Рыбкиной судьба обошлась иначе…

С кладбища, громогласно каркая, поднялась небольшая стая ворон. Повернув в их сторону голову, Артем произнес:

– Фух, тут еще под боком целый Пантеон! Нет, определенно, Женюсик, мы тут ничего покупать не будем!

– Ты хочешь ехать обратно в Москву? – встрепенулась Женя, а муж, поцеловав ее в нос, произнес:

– Ну уже нет! Сначала мы все-таки осмотрим этот выставленный на продажу дом. А потом рванем обратно в нашу уютную квартирку в экологически неблагоприятном месте столицы. Нет, быть сельским жителем – явно не по мне…

Женя взъерошила его короткие темные волосы. И вспомнила, почему они, собственно, оказались в этом Анчуткине.

Ах да, *дом*…

Ну конечно же, *дом!* На его осмотр, собственно, они и решили потратить последний уик-энд совместного отпуска. Речь шла о своем собственном доме – семейном очаге, центре их жизни, гнезде для чад и домочадцев, месте, где бы родились и выросли их дети…

Дети... Евгения знала, что это больная тема – нет, не для нее, а для Артема. И она сама, и в особенности он совсем даже неплохо зарабатывали, даже по столичным меркам. Женя была весьма успешным организатором свадебных торжеств. Артем же являлся вице-президентом небольшой, но успешной компьютерной фирмы, дела которой в последние годы резко пошли в гору.

Но не в деньгах было дело, а в образе жизни. И в том, что Евгения не чувствовала себя готовой стать матерью. Да, ей почти тридцать, но и что с того?! Еще несколько лет можно подождать. Потому что заказов у нее была тьма-тьмущая, она подумывала о том, чтобы, по примеру мужа, создать свою собственную фирму и обзавестись сотрудниками, при этом прекрасно понимая, что тогда в ближайшие пять, а то и десять лет покоя не будет. Она знала, что может достичь многого.

Была ли она готова ради этого отказаться от возможности иметь детей? Впрочем, вопрос так не стоял – *она ведь еще молода!* И Артем тоже. Так почему же они пока не могут работать в свое удовольствие и наслаждаться жизнью?!

Только вот сам Артем так не считал. Она знала, что ему страстно хочется стать отцом. И об этом они множество раз вели утомительные беседы, во время последней из которых Евгения вспылила и заявила, что если ему так нужен ребенок, то пусть обратится к суррогатной матери.

Потом они помирились, и, судя по тому, что Артем больше на эту тему разговора не заводил, он смирился. Или принял какое-то важное решение. Женя даже опасалась, как бы он не завел любовницу или, еще лучше, семью на стороне. Но нет, в Артеме она была уверена как в самой себе…

Дом был центром его представлений о счастливой и полноценной семье – он как-то заметил, что не прочь жить за городом. Чтобы сделать ему приятное, раз тема детей была пока что закрыта, Женя и начала подбирать возможные варианты. Нет, уезжать из Москвы она не намеревалась, однако нельзя же отметать все идеи мужа! Тогда он точно уйдет к другой…

Но все предлагаемые дома были какие-то безликие и безвкусные, несмотря на бешеные цены – или как раз по причине оных. Жить в отгороженном поселке со шлагбаумом и КПП в ранге «рублевских пленников» не прельщало ни Артема, ни Женю. Она знала: если ей хочется удивить мужа, то надо отыскать что-то…

Что-то необычное.

На объявление о продаже подмосковной усадьбы она наткнулась случайно, перейдя по ссылке с одного сайта на другой. И, что удивительно, сразу поразилась тому, что увидела.

Нет, это не был новострой в помпезном олигархическом стиле. Не был это и помещичий дом, использовавшийся в годы Советской власти не по назначению, а затем кем-то выкупленный и отреставрированный – причем так, что он потерял всю прелесть запустения и ауру прошлого и стал, опять же, яркой лакированной подделкой под прошлое, точнее, под то, что виделось таковым гламурным архитекторам и их еще более гламурным заказчикам.

Это была самая что ни на есть подлинная усадьба конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века, много что повидавшая на своем веку, но, что удивительнее всего, каким-то невероятным образом сохранившая свой первоначальный облик – во всяком случае, по большей части.

«Мухина дача»... Уже само название было завораживающим и в то же время таким милым. Мухина – потому что была построена и принадлежала когда-то семье графа Бальзуева-Мухина.

Располагалась Мухина дача уже за МКАДом, около города областного значения Анчуткино. Женя сверилась с картой в Интернете – *не так уж и далеко!* И, что важнее всего, место было замечательное и столичной публикой еще не открытое.

Усадьба продавалась – и 22 июня имел место «день открытых дверей», во время которого можно было посетить Мухину дачу, все осмотреть, а также поговорить с представителями владельца и, вероятно, осведомиться о цене. Потому что, сколько стоит Мухина дача, указано на сайте не было.

И вообще, информации по Мухиной даче в Интернете было минимально. Создавалось впечатление, что те, кто хотел продать ее, не прикладывали для этого особых усилий или надеялись на то, что усадьба и так найдет своего нового владельца.

Когда же Женя поведала о своей задумке Артему и показала ему фотографии усадьбы, он вдруг заявил, что уже передумал переезжать за город, ему и в Москве неплохо. Странно, а ведь именно ему усадьба и должна была прийтись по вкусу – ведь Артем на одном из первых свиданий проговорился, что является потомком старинного рода, хотя и по побочной линии. Может, правда, рисовался, чтобы завоевать ее симпатию. Как бы то ни было, Женя понимала, с чем связано его прохладное отношение к ее предложению – еще бы, ведь ему требовался не столько загородный дом, сколько семейный очаг: для жены *и детей.*

Однако настал черед Евгении упрямиться. Она сама не знала, что с ней случилось, но эта Мухина дача не шла у нее из головы. Кажется, она ей даже как-то приснилась. Странно только, что сон был какой-то неприятный, будто бежала она босиком по лесу, а над ней громыхал гром и сверкали молнии. И со всех сторон обдавало ее холодными струями дождя. А потом еще и сосна падала, преграждая путь…

Она тогда проснулась, чувствуя, что во рту пересохло, а сердце стучит как бешеное. И ей понадобилось еще несколько секунд, чтобы осознать, что она не в непонятном лесу, а дома, в кровати, и рядом спит, по-детски сопя, ее Артем.

Евгения отправилась тогда в кухню, долго пила, стараясь утолить жажду, все еще находясь под впечатлением ото сна. Ото сна, в котором за ней кто-то гнался. И, что самое удивительное, когда Женя спала, она знала, кто является ее преследователем. Но стоило ей проснуться, *как она подчистую забыла!*

Ночной кошмар она списала на стресс. И это только укрепило ее в мысли о том, что переехать за город – отличная идея. Поэтому она настояла на том, чтобы они с Артемом поехали осматривать Мухину дачу.

– О чем ты задумалась, Женя? – услышала она голос мужа и, стряхнув с себя воспоминания, посмотрела на Артема.

– А о том, что ты не целовал меня ровно двадцать три минуты! – заявила она и повисла у него на шее.

– Вообще-то только двадцать две! – заявил он и чмокнул ее в лоб. – Но ты права, чертовка….

Внезапно он прижал ее к дубу, Евгения почувствовала нарастающее возбуждение мужа. Он целовал ее со все возрастающей с каждым мгновением страстью. Она ощутила, как его рука заползла ей под майку.

– Тема, ну что ты? Нас же могут увидеть… – прошептала Женя, чувствуя, что сама не своя. И что только на мужа нашло?

– Кто? Вороны? Или соглядатаи с соседнего кладбища? – отрывисто сказал он, расстегивая джинсы. – Я хочу тебя, прямо здесь и сейчас!

– Тема, мне неприятно! И больно! – заявила она, чувствуя, как ее нога уперлась во что-то холодное и металлическое. *Это была та самая железяка со странным символом, на которую они напоролись на дороге.*

Но муж, казалось, не слышал ее. Женя вскрикнула, а потом стукнула супруга по плечу.

Послышался звук двигателя проезжающего автомобиля, а затем сигнал клаксона. Женя повернула голову и увидела двигавшийся по проселочной дороге навороченный джип – разумеется, черного цвета, разумеется, с тонированными стеклами. Одно из них опустилось, мелькнули светлые локоны и наманикюренная рука, в которой был зажат мобильный телефон.

– Так держать! – послышался мужской голос со смешком, и джип пополз дальше. Евгения оттолкнула от себя Артема и произнесла:

– Я, конечно, рада, что страсть обуяла тебя прямо здесь, но не забывай: мы здесь не одни!

Артем, словно придя в себя, виновато произнес:

– Женюсик, извини, не знаю, что на меня накатило…

Евгения, ничего не отвечая, отправилась к их автомобилю. Она уселась на сиденье и дождалась, когда появился похожий на обтрепанного кота Артем. Он завел мотор, и автомобиль двинулся с места.

Они проехали мимо кладбища – Евгения не без интереса всмотрелась в кривые старинные кресты и покосившиеся надгробия. Затем перевела взгляд в другую сторону и почувствовала, что у нее сперло дыхание.

Этот лес… *В особенности эти сосны…* Она уже видела их. *В своем сне!* В том самом, где спасалась от кого-то бегством…

Автомобиль завернул направо, и их глазам предстала расположенная в полукилометре Мухина дача. И плохое настроение, как, впрочем, и обиду на Артема словно рукой сняло. Евгения жадно всматривалась в даль, чувствуя, что ее сердце начинает учащенно стучать.

По правую руку тянулся все тот же редкий лесок, слева расстилалась небольшая лужайка, которая переходила в заброшенный сад. Наконец, они миновали покосившиеся ворота, поддерживаемые двумя огромными ульями из черного мрамора – были видны и крошечные, искусно вырезанные пчелы, их облепившие. Или даже мухи. *Странная символика…*

– Занятное местечко, – произнес Артем, – ага, у них и фонтан имеется!

Имелся и фонтан – только неработающий. Круглая мраморная чаша, стоявшая на постаменте посередине пересохшего овального озерца, служила плацдармом для лопухов и чертополоха.

От фонтана начиналась дорожка, которая вела напрямую к дому. Нет, это не был шедевр эпохи рококо или горделивый сельский замок периода классицизма. Мухина дача

представляла собой просторное здание, в котором угадывалось влияние различных стилей. Наверняка многие бы сочли его не то чтобы уродливым, но бестолково спроектированным.

Однако именно это и создавало его особое, ни с чем не сравнимое очарование. А помимо необычного архитектурного подхода – и та аура запустения, которая незримо окутала всю усадьбу. Это отнюдь не портило ее, а, наоборот, создавалось впечатление, что Мухина дача всегда была такой. И, более того, должна быть именно такой.

Евгения заметила с одной стороны дома знакомый черный джип – из него выбрался коренастый лысый тип, сопровождаемый длинноногой, выше его раза в два, блондинкой с небывалой красоты копной светлых волос, облаченной в красное с блестками платьишко, больше открывавшее, нежели скрывавшее, и туфли на высоченных каблуках.

Женя поморщилась – нет, эти персонажи были не из этой сказки. И как они только оказались здесь? Вдруг ее пронзила ужасная догадка – они тоже прибыли сюда, чтобы осмотреть Мухину дачу. *И, вероятно, купить ее!*

Но ведь этому тандему здесь было не место! Что они потеряли в Анчуткине? Женя почувствовало, как у нее аж зубы свело от мысли о том, что эта блондинка и ее крепыш поселятся на Мухиной даче. Наверняка прикажут все отремонтировать, утрамбовать разноцветным мрамором, снести заросший фонтан и на его месте вырыть бассейн с подогревом в форме лилии.

Артем тоже заметил пассажиров черного джипа и намеренно притормозил, не желая парковаться до тех пор, пока они не скроются в доме. Затем он поставил автомобиль около несколько обветшалой конюшни – в которой, конечно же, никаких лошадей и в помине не было. Затем Артем и Женя вышли на воздух.

Евгения вдохнула полной грудью, чувствуя, что… *Что влюбилась в это место.* И что не хочет покидать его, желая остаться здесь раз и навсегда!

Только вот, похоже, несмотря на минималистичную рекламу, на Мухиной даче собралось не так уж мало гостей из столицы, имелась даже крутая иномарка с питерским номером.

Артем зашагал к дому, но Женя ухватила его за руку. Ей не хотелось идти туда, где находились конкуренты, потому что она понимала: дом им не достанется. Даже если Артем и согласится вдруг переехать за город, то нет никаких гарантий, что Мухину дачу продадут именно им.

Да, они были обеспечены, но, несмотря на плохое состояние, эта усадьба стоила ого-го. И в отличие от прочих гостей у них не было возможности просто так взять и выложить, скажем, полмиллиона долларов за Мухину дачу. *Хотя стоила она наверняка больше…*

– Мы что, не пойдем в дом? – спросил удивленно Артем, а Женя отрицательно качнула головой. Она увлекла мужа в сад. Он зарос, за ним никто не ухаживал. Новые владельцы наверняка нагонят орду дипломированных садовников, ландшафтных дизайнеров, специалистов по фэн-шуй. И те превратят чудо природы в очередное стандартное великокняжеское поместье в представлении мещан двадцать первого века.

Сад был идеален со своими зарослями, кривыми деревцами, пересохшими озерцами и небольшим болотцем, в котором, как выяснилось, обитали певучие лягушки. Женя знала: будь Мухина дача ее собственной, она бы ничего не изменила, все бы оставила как есть.

Она увидела беседку из белого, теперь уже серого, мрамора, столь плотно увитую плющом, что создавалось впечатление, что это – пещера. Женя ступила под ее своды, и в лицо ей пахнуло чем-то терпким. Она заметила скамейку без спинки, стоявшую в углу. А через разноцветные ромбы оконца, затянутого с внешней стороны растительностью, пробивались солнечные лучи, окрашивая все в странные тревожные тона.

Женя опустилась на скамейку, видя, что одна ее рука стала зеленой, а другая – красной. Она двинула ногой – и вдруг задела стопой что-то мягкое и пушистое. Она наклони-

лась и увидела лежащего под скамейкой мертвого зайца. Горло у него было разодрано, пасть несчастного зверька была распахнута, а в глазах копошились жирные опарыши.

Девушка, чувствуя, что ей сделалось дурно, выбежала прочь – и налетела на Артема.

– Женя, что случилось? На тебе лица нет! – спросил он, а та только указала на дохлого зайца.

Артем бросил взгляд на тушку и, уводя жену, произнес:

– Это и есть обратная сторона сельской идиллии. Нет, это не по мне! И не по тебе тоже, Женюсик!

– Вас зовут Евгения? – донесся до них мелодичный голос, и, обернувшись, Женя заметила невысокого роста даму, облаченную в строгий темно-синий жакет и такую же юбку. У нее было лицо строгой учительницы и короткие седые волосы.

Сдержанно улыбаясь, дама подошла к Евгении и произнесла:

– Извините, я не хотела проявлять назойливость, однако случайно расслышала фразу, которую произнес ваш… – Она запнулась и осторожно добавила:

– Друг.

– Муж! – поправил ее с улыбкой Артем.

Дама рассмеялась и заметила, понизив голос:

– В нынешнее время так легко ошибиться с оценкой! Уверена, что половина, если не все из тех, что прибыли сейчас на Мухину дачу, не могут похвастаться тем, что связаны узами Гименея, хотя и утверждают обратное! Истинные супруги сих джентльменов очень бы удивились, узнай они, в компании каких девиц те осматривают нашу усадьбу, представляя оных своей законной половиной!

Женя тоже улыбнулась, а дама протянула ей руку:

– Разрешите представиться, меня зовут Калерия Ильинична Убей-Волк, я – директор расположенного в Анчуткино классического лицея и член попечительского совета фонда по охране культурного наследия графского рода Бальзуевых-Мухиных.

Женя услышала сдавленный смешок Артема, а дама, усмехнувшись, сказала:

– Удивляетесь моей фамилии? Что ж, такое происходит постоянно. Раньше у меня была другая, не менее звучная. Однако и после развода я предпочла сохранить фамилию супруга, мир его праху, а не брать девичью. На то имеются свои причины!

Говорила она это словно в шутку, но Женя поняла, что за этим скрывается какая-то весьма и весьма серьезная причина.

– Евгения… Имя красивое, сейчас, правда, выходящее из моды, – промолвила госпожа Убей-Волк. – А раньше достаточно распространенное…

– Благородного происхождения, точнее, из благородного рода! – вставил Артем, подавая директрисе руку. – А я – супруг этой дамы с выходящим из моды именем, Артем Кирычев…

Калерия Ильинична произнесла:

– Да, вы правы… Благородного происхождения, благородного рода… Или та, которая дает начало благородному роду! Интерпретаций множество!

Сама того не подозревая, их собеседница затронула больную тему – *тему детей.* Женя заметила, как лоб Артема собрался морщинами, и муж произнес, привлекая ее к себе:

– Это вы правильно заметили! Дети – важнее всего в этой жизни! Никакая не карьера и не деньги! А когда это осознаешь, может оказаться уже поздно…

Говорил Артем это спокойно, даже слишком спокойно, и Женя была уверена, что Убей-Волк не заподозрила скрытого подтекста. *Или заподозрила?*

Директриса качнула головой:

– К сожалению, по медицинским показаниям у меня не может быть детей… Я долго не могла с этим смириться, хотела даже усыновить, но… не сложилось!

Чтобы как-то сменить грустную тему, Евгения вставила:

– А у вас не только фамилия редкая, но и имя!

Калерия Ильинична улыбнулась и ответила:

– Мои родители были большие оригиналы. Редкие имена – у нас это семейное. Например, у моего кузена… Думаю, вы с ним еще успеете познакомиться. Вы же прибыли осмотреть Мухину дачу, не так ли?

Женя и Артем кивнули, и директриса, чьи глаза таинственно вспыхнули, произнесла:

– А что же вы тогда не осматриваете дом? Ведь там самое интересное!

– Не думаю, – ответила Женя, – потому что меня привлекает сад… Он такой… Прямо как в сказке… Правда, в страшной!

Она сама не знала, почему у нее вырвалось это. В страшной – из-за мертвого зайца в беседке? *Или из-за дурацкого сна?*

– О, я вижу, вы сразу настроились на волну здешних мест! – заявила Убей-Волк. – А это, поверьте мне, удается далеко не каждому! Ведь, в самом деле, сад необыкновенный! Знаете ли, что первый владелец усадьбы, граф Бальзуев-Мухин, именно на этом месте, где стоит сейчас беседка, заложил когда-то мавзолей для умершей при родах супруги? Правда, его плану возвести сей Тадж-Махал осуществиться так и не было суждено, ибо сам граф был признан умалишенным и помещен в близлежащий монастырь, где провел тридцать четыре года в заточении.

Калерия Ильинична была энтузиасткой своего дела и явно прикипела сердцем к Мухиной даче. Она сыпала историями, старинными анекдотами и рассказами, от которых в жилах кровь стыла. Жене было интересно, а вот Артем, как она заметила, явно скучал и несколько раз демонстративно вынимал из кармана мобильный, а под конец начал во что-то играть.

Несколько раз во время их импровизированной экскурсии до Жени доносились странные звуки из колючих зарослей, однако она списала это на активность здешних животных.

– Однако не хочу отвлекать вас от экскурсии по усадьбе, – произнесла Калерия Ильинична, заметившая, что Артем тяготился ее обществом. – И желаю вам успеха! Ведь вы хотели бы купить Мухину дачу?

Артем вздохнул, засунул телефон обратно в карман джинсов и сказал:

– Не думаю, что нам это по карману. Потому что, несмотря на запущенное состояние, усадьба наверняка влетит новому владельцу в копеечку. Кстати, кто ее хозяин?

Калерия Ильинична развела руками и ответила:

– О, хоть я и вхожу в попечительский совет по охране культурного наследия графского рода, но о подобных вещах нас никто, конечно же, не информирует. После развала Союза объявился наследник, обитавший где-то за границей, то ли во Франции, то ли вообще в Южной Америке. Он однажды приезжал сюда – причем все было обставлено, как в шпионском триллере! Явился он поздним вечером, точнее, уже ночью, в сопровождении телохранителей, до самого отпрыска графского рода никого не допускавших. Лица его видно не было – только поднятый воротник плаща и низко опущенную шляпу. И, вы не поверите, несмотря на темное время суток, он был в солнцезащитных очках! Побродил по дому, а потом отбыл восвояси. Всеми его делами заведует прыткий адвокат из Москвы.

– А почему, собственно, Мухину дачу вообще выставили на продажу? – спросила Женя. – Разве наследник нуждается в деньгах?

Директриса поджала губы и ответила:

– Об этом нам тоже никто не докладывал. Нет, человек он, по слухам, не просто богатый, а баснословно богатый. Сам селиться здесь не хочет. Дом последние двадцать лет стоял пустой, а затем он принял решение продать его. Наверняка такой же эксцентрик и сумасброд, как и его предки!

Завибрировал ее мобильный, и Калерия Ильинична, взглянув на дисплей, произнесла:

– Что же, дорогие мои, желаю вам удачи! Я была бы очень рада, если бы вы поселились на Мухиной даче! Потому что вы очень ей подходите – в особенности вы, Женечка!

Ответив на звонок, она ушла куда-то в глубь сада. Артем, озадаченно смотря ей вослед, произнес:

– Как понимать ее фразу о том, что мы ей подходим? *Ей – Мухиной даче!* И почему «в особенности ты»?

В этот момент в кустах раздалось урчание, а затем сопение, сменившееся, наконец, фырчаньем. Женя вскрикнула, потому что поняла – из кустов на них кто-то лез! И, судя по трещащим веткам и хрустящим листьям, это нечто было весьма больших размеров. Евгения подумала о зайце с разодранным горлом, что лежал в беседке. *Неужели тут обитал какой-то монстр?*

Кажется, и Артем тоже несколько напрягся, потому что задвинул Женю за себя, явно намереваясь ее защитить. Но вместо чудища перед ними появился невысокий мужчина с одутловатым лицом и смешной седой козлиной бородой. С венчавшей его голову фетровой шляпы сыпались сухие листья, и Женя вдруг воскликнула:

– Вы же подслушивали наш разговор все это время, не так ли? Теперь мне ясно, отчего в кустах все время что-то шуршало и щелкало!

Артем подозрительно спросил незваного гостя:

– А кто вы, собственно, такой? И что вам нужно? Вы что, следите за нами?

Козлобородый, стряхнув последний лист со шляпы, заявил неприятным тенорком:

– Не верьте ей, ни за что не верьте! Ведь она – патологическая лгунья! Умеет так обвести вокруг пальца, что вы ничего и не заметите! Она опасна, крайне опасна! Мне ли не знать!

Артем, чьи скулы напряглись, заявил:

– Вы что позволяете в адрес моей жены? И откуда вы вообще ее знаете?

Тип оглушительно чихнул и заявил:

– Господи, почему вы все такие тугодумы! Да не вашу Евгению я имею в виду, а мою достопочтенную кузину Калерию! Эту сладкоречивую сирену, точнее, мерзкую ведьму, которая тут с вами разговаривала! И лапшу на уши вешала!

Он снова чихнул и добавил:

– Бегите, умоляю вас, бегите отсюда! Этот дом не принесет вам ничего хорошего! Он опасен, опасен, опасен!

Женя сообразила, что если кто и опасен, так этот тип, который, как она поняла, являлся кузеном добродушной директрисы. *Хотя…* Хотя с чего она решила, что директриса была хорошим человеком? Только потому, что она мило улыбалась и поведала массу забавных историй? Но ведь она ровным счетом ничего о ней не знала!

Как, впрочем, не знала и об этом сумасшедшем субъекте!

– Советую вам оставить нас в покое и идти своей дорогой… – начал Артем, но Женя, выйдя из-за его спины – опасности-то не было! – спросила:

– И почему же он опасен?

Козлобородый, пугливо тряхнув головой и прислушавшись, заявил:

– Я вам всего рассказать не могу, все равно не поверите…

– Ну отчего же, вы попробуйте! – парировал Артем, в тоне которого слышались стальные нотки. – Там что, обитает привидение? Или в погребе зарыты графские сокровища, за которыми охотятся местные «братки»?

Тип снова чихнул и затараторил:

– Все хуже, намного хуже! Уезжайте немедленно, прошу вас! Потому что сегодня – день солнцеворота! Магическая, страшная дата!

– Дата начала Великой Отечественной! – заметил Артем. – Вы это хотите сказать?

– Гитлер неспроста выбрал эту дату, поверьте мне! – продолжал козлобородый. – Потому что он надеялся, что силы зла, получившие в тот злосчастный день доступ к нашему миру, помогут успеху его ужасного начинания! Вы же в курсе, что вся нацистская верхушка была повернута на мистике? В особенности Гиммлер!

– И что, силы зла снова получили доступ к нашему миру и выползут сейчас из беседки? – спросил Артем, и в этот момент за их спинами что-то зашуршало. Все как по команде обернулись, и Женя увидела, что из беседки что-то выскочило. Точнее, конечно же, кто-то, вероятно заяц: рассмотреть галопировавшего прочь зверька она не успела.

Хотя в беседке был заяц – только мертвый! Но не мог же он вдруг ожить и убежать прочь?

Ее так и подмывало пройти в беседку и заглянуть под лавку, чтобы удостовериться, что мертвый заяц все еще покоится на прежнем месте. Хорошо, если это так. А что, если она войдет туда – *и не найдет покрытый серой шерсткой трупик?* Что тогда?

– Вот видите! – завопил козлобородый. – А вы еще сомневаетесь! Убирайтесь прочь, убирайтесь прочь! В особенности если вас зовут Евгения!

Артем раздраженно заявил:

– Похоже, нам в самом деле следует убраться прочь. Вам что, имя моей жены не нравится?

– Не в имени дело, а в его значении! – выпалил их полоумный собеседник. – Те, кого зовут Евгения, долго не живут! Во всяком случае, на Мухиной даче! И сегодня этот день, они ждали его пятьдесят лет! Ждали, потому что решение должно быть принято именно сегодня, до захода солнца. Уезжайте, умоляю вас, и тогда вам, быть может, удастся избежать кошмара, который вас затянет, если вы поселитесь здесь! Уезжайте!

Игнорируя типа, Артем вполголоса обратился к Жене:

– Он прав. Конечно, не в отношении силы тьмы, а в отношении того, что делать нам тут нечего. Ну что, посмотрели – можем вернуться обратно в Москву?

Однако Евгения не хотела возвращаться. И этот человек, жестикулировавший руками и потрясавший козлиной бородой, не производил на нее гнетущего впечатления.

Да, суть была в том, что здесь, в Мухиной даче, было нечисто. Здесь имелась какая-то провинциальная тайна, покрытая пылью веков. Но возле особняка Женя чувствовала себя великолепно – и уже давно поняла, что именно тут и хочет жить!

Только вот Артем, похоже, этого не хотел.

– И она мне сказала, что вас ничего хорошего не ожидает! – продолжал подвывать козлобородый. – Поэтому прошу вас, немедленно, не откладывая в долгий ящик…

– Кто сказал, что нас ничего хорошего не ожидает? – переспросила строго Женя, и субъект выпалил:

– Ну она, она! – и указал куда-то в сторону. Женя обернулась, рассчитывая, что увидит директрису Убей-Волк. Однако вместо Калерии Ильиничны лицезрела полускрытую разросшейся липой, закопанную по пояс мраморную статую – то ли Венеру, то ли иную богиню с отбитым носом и отколотыми руками.

– Она? – протянула Женя, и вдруг все стало на свои места. От этого прозрения она принялась громко хохотать. Ведь все было очень просто: они разговаривали с местным психом, наивно полагая, что ведут беседу со здравомыслящим, хотя бы минимально, человеком.

Козлобородый надулся, а потом, краснея, завопил:

– Что, хотите сказать, что я не могу с ней говорить? И что с того, что она статуя? Она со мной беседует! Вот, смотрите! Точнее, слушайте!

Он подскочил к статуе и, замерев перед ней в благоговейной позе, просюсюкал:

– Милейшая, прошу вас снова обратить ко мне свои речи! Ну, скажите, что вы мне до этого говорили! Я прошу, я настаиваю, я требую!

Но мраморная статуя, естественно, не произнесла ни звука. Тогда тип подскочил к ней и ударил по голове кулаком. В этот момент из-за кустов появилась растрепанная директриса Убей-Волк, за которой следовали два дюжих облаченных в черное типа.

– Вы это видели? – заявила она. – Он пытался разбить мраморную статую, относящуюся к культурному наследию графского рода. Остановите его!

Бугаи подошли к беснующемуся типу и, схватив его под локти, поволокли прочь. А Калерия Ильинична крикнула ему вслед:

– Суд постановил, что тебе находиться на территории Мухиной дачи запрещено! А ты нарушил постановление суда! Это будет иметь для тебя последствия!

А козлобородый напоследок проверещал:

– Не задерживайтесь здесь, уезжайте, уезжайте! Она ведьма, ведьма, ведьма! Она вместе с ними! Они хотят, чтобы вы…

Его тирада внезапно прервалась, потому что один из типов в черном прикрыл ему своей пятерней рот.

Когда же процессия исчезла из поля зрения, Калерия Ильинична отдышалась и сказала:

– Приношу свои извинения за ужасную сцену, однако вы имели сейчас возможность познакомиться с моим кузеном, Леонтием Павловичем Бесхлебицыным. Не буду вдаваться в подробности, вас, понятное дело, не интересующие, однако Леонтий Павлович – псих. Иного слова подобрать я не могу. Он с детства отличался странностями, которые со временем перешли в настоящую манию. Вы же сами видите, он уверен, что умеет разговаривать с мраморными статуями. И что на Мухиной даче обитает вековечное зло, которое хочет пожрать любого и каждого, кто поселится здесь!

– А что, разве это не так? – спросил внезапно Артем, и на мгновение – всего на мгновение! – Жене показалось, что в прозрачных наичестнейших зеленых глазах директрисы мелькнул страх. *Или она это просто вообразила?*

Вздохнув, Калерия Ильинична заметила:

– Нельзя отрицать, что все, кому довелось жить на Мухиной даче, так и не смогли найти своего счастья. Но ведь дело в самих людях, а также в исторических процессах, разрушивших привычную среду обитания этих людей, которые, может, вполне могли обрести здесь свое счастье! Однако если дочка миллионщика кончает с собой, причем ужасным образом, наглотавшись уксуса и швейных иголок, и все только из-за того, что ее отец, снимавший эту усадьбу, воспротивился ее браку с бедным студентом, то разве в этом виноваты темные силы?

Она подняла к небу кулаки, словно грозя кому-то.

– Или исчезновение – бесследное, заметьте! – поручика Сергея Яблонского и его невесты, мещанки Марии Афанасьевой в апреле 1913 года. Причем ни их самих, ни автомобиля не нашли – как в воду канули! Не исключено, что это так, и авто покоится на дне одного из местных озер. Или молодые просто бежали в заморские края. Другое исчезновение, совпавшее с этим по времени: на этот раз несчастная гувернантка, пропавшая без вести незадолго до начала Первой мировой. Много недель спустя какое-то женское тело все же нашли – разрезанное на кусочки и, пардон за кошмарные подробности, с обглоданными костями. Установить, была ли это несчастная гувернантка, так и не удалось. Может, да, может, и нет. Но в любом случае, кто-то был убит кошмарным, небывало зверским способом – не она, так другая молодая девица. Но это явно было деяние маньяка-одиночки, а они имелись, как известно, уже и в Древней Греции. Или…

Она успокоилась и продолжила нормальным голосом:

– Или дети, которые в тридцатые годы занимались черт знает чем в заброшенной тогда Мухиной даче, и в итоге один из них погиб при взрыве, а двум другим оторвало конечности. Наконец, уже в начале шестидесятых, молодая генеральская жена, зверски убитая…

Она махнула рукой. Артем дернулся – то ли перечисление ужасных случаев, связанных с Мухиной дачей, так впечатлило его, т*о ли тема потомства снова заставила его думать о том, что так терзало его все время.*

– Однако я не хотела рассказывать вам все эти полузабытые истории, – сказала директриса, – потому что потенциальным покупателям их знать, конечно же, не следует. Хотя некоторые от них, кажется, в восторге…

Она поморщилась и бросила полный отвращения взгляд в сторону дома – видимо, Убей-Волк имела в виду кого-то из богатой публики, прибывшей на осмотр поместья. Словно в подтверждение ее слов оттуда донесся дикий женский визг, перешедший в утробный хохот.

– В конце концов, в любом старинном доме умирала куча народа. Причем не сами по себе, но были убиты, кончали с собой или уходили на тот свет в результате несчастного случая. Думаете, лучше тогда покупать квартиру или дом на первичном рынке жилья? А возьмите все эти стеклянные небоскребы – вы уверены, что там, под фундаментом, не покоятся чьи-то кости и что во время строительства никто из рабочих не погиб?

Телефон Калерии Ильиничны снова завибрировал, и она сказала:

– Поэтому принимайте решение – я уверена, что вы примете верное! Другого не дано! И, несмотря на прелести парка, все же советую вам заглянуть в дом. Увы, мне надо принять звонок…

Она снова скрылась, а Артем, усмехнувшись, посмотрел на Евгению.

– И что, ты все еще в восторге от этого ужасного места?

– Но ведь Калерия Ильинична права! – ответила Женя. – Купим квартиру, а потом выяснится, что там жил какой-нибудь Чикатило. Или что там был бордель. Или…

Артем привлек к себе Евгению, поцеловал и заметил:

– Или, или, или… Да, соглашусь – у любого места своя история. И эта, надо сказать, даже занятная. Если, конечно, это правда, а не выдумки провинциальных кумушек. Я читал, что для некоторых английских поместий, построенных в конце девятнадцатого, а то и в начале двадцатого века, в особенности в этом аляповатом псевдоготическом стиле, специально нанятые пиарщики выдумывают «страшилки» о трагедиях, имевших там место, о призраках, семейных катаклизмах и прочих несчастьях. Это позволяет сбыть не очень-то ходовые по причине своей полной архитектурной убогости строения по завышенной цене доверчивым богатеям из Восточной Европы или Азии!

Женя весело рассмеялась и, чмокнув Артема в щеку, спросила:

– Значит, ты думаешь, что директриса – засланный казачок, точнее, казачка, которая намеренно потчует наиболее перспективных клиентов выдуманными историями, пробуждая их интерес к Мухиной даче?

– А мы что, уже перешли в разряд перспективных клиентов? – спросил Артем и, в который раз взглянув на мобильный, произнес:

– Ну что же, пора осмотреть дом! А то скоро надо отправляться в обратный путь, а мы самого главного и не увидели…

По его тону Женя поняла – место ему все же понравилось, однако жить здесь Артем *не намерен.* А ведь она бы все отдала, чтобы Мухина дача стала их собственностью! Но в то, что такое произойдет, Женя не верила. Поэтому даже хотела тотчас уехать – зачем погружаться еще глубже в фантазии, зная, что они никогда не сбудутся?

Потом она все же решила осмотреть особняк. Они вернулись к нему и заметили уже знакомую им парочку, прикатившую в черном джипе, – коренастого лысача и умопомрачительную блондинку в красном мини-платье. Именно голос этой особы, весьма резкий и пронзительный, разносился по всей территории Мухиной дачи. Позируя и так и эдак, она требовала, чтобы спутник фотографировал ее на свой мобильный.

– Лапуся, а теперь вот так! Нет, ногу я поставлю сюда! И платьице подберу…

Она загоготала, ее спутник тоже, и Женя шепнула Артему:

– Вот еще одна кандидатка для «Минуты славы»!

– Ты чё там, лахудра бледнолицая, вякнула? – произнес, отвлекаясь от процесса увековечивания своей спутницы, коренастый лысач, подтверждая народную мудрость «из грязи в князи». Вероятно, все же в князья преступного мира…

Артем развернулся, явно желая осадить нахала, но Женя взяла его под руку и прошептала:

– Тема, прошу тебя, не надо…

– Тема, прошу тебя, не надо! – подхватила вульгарная особа в красном платье. А потом стала изображать пароксизмы страсти. – Ах, Тема, еще, еще! Толик, покажи им!

Ее спутник, звавшийся Толиком, поднял вверх мобильный и запустил запись. Женя онемела – эти мерзавцы засняли их на мобильный, когда проезжали мимо дуба! Нет, ничего порнографического там запечатлено не было, они только обжимались и целовались…

Женя подумала о том, как распалился тогда Артем. Однако дальше объятий не пошло. Но все равно, какое они имели право записывать это? *Ведь с записью они могли сделать все, что угодно!*

– Ах, Тема, ну давай же, Тема, быстрее, сильнее, больнее! – вопила блондинка, явно провоцируя их на необдуманные действия.

Неприятно было и то, что около них образовалась небольшая толпа – по большей части солидные мужчины в сопровождении молодых особ, явно – тут директриса не ошиблась – женами им не доводившихся.

Евгения подошла к бившейся в конвульсиях собственного дешевого балаганного таланта блондинке и участливо осведомилась:

– У вас эпилептический приступ? «Скорую» вызвать? Или, быть может, сразу бригаду санитаров со смирительной рубашкой?

Блондинка разразилась площадной бранью, а Женя отвесила ей оплеуху – не сильную, но звонкую. Ойкнув, блондинка тотчас замолчала и, схватившись за щеку, простонала, обращаясь к своему спутнику:

– Толик, меня убивают, а ты стоишь как идиот!

– Ну почему же – как! – заявил кто-то из толпы, и все засмеялись. Ревя, Толик ринулся на Женю, но Артем всего одним элегантным движением опрокинул быкообразного типа на землю. Тот заревел, попытался подняться, но его голова оказалась припечатана к земле. Толик тужился и сопел, шея его приобрела подозрительный фиолетовый оттенок, но подняться с земли он не мог. Артем же другой рукой захватил плечо, вдавливая Толика в пыль. А затем взял у него мобильный и покачал головой:

– Гм, ваши фотографии, мадемуазель, низкого качества, но это вина не современной техники, а исключительно позировавшего оригинала. Однако я их уничтожать не посмею – пусть сохранятся для потомков. А вот это видео, снимать которое вы не имели ни малейшего права, я сотру!

Тут к ним подошли облаченные в черное охранники. Стоявшие вокруг гости поспешили их заверить, что вины Артема нет и что ссору затеял вовсе не он. Люди в черном поставили Толика на ноги и дали ему и его подружке десять минут, чтобы убраться подобру-поздорову. Прыгая в джип, блондинка пискливо проорала:

– Ну ничего, мы вам это еще припомним! И встретимся, непременно встретимся!

После того как они отбыли восвояси, Женя и Артем прошли в дом. Хоть он и не производил подобного впечатления снаружи, внутри он был громадным. Некоторые комнаты

были еще обставлены – там стояла мебель в пыльных чехлах. В одной из гостиных с потолка свисала завернутая в полиэтилен хрустальная люстра.

В других комнатах, наоборот, ничего не было. Библиотека была пуста, остались только голые полки. На кухне же сохранился удивительным образом тарахтевший в углу холодильник пятидесятых годов.

Но самое невероятное открытие ждало их в музыкальном салоне – там располагался настоящий рояль, причем, судя по всему, услаждавший музыкой обитателей Мухиной дачи еще до революции.

Женя прикоснулась к желтым костяным клавишам – раздался глухой, словно шедший из преисподней, звук. Рояль был безнадежно расстроен. Внимание Жени привлекла деревянная дверь, состоявшая из стеклянных квадратиков, разделенных перегородками, что вела на террасу.

Она осторожно прикоснулась к изогнутой ручке, послышалось чье-то предупреждение, что дверь неисправна. Но та, протяжно скрипнув, вдруг поддалась. Стеклянные квадратики, некоторые из которых были украшены паутиной трещин, мелодично задрожали – и Женя оказалась на пороге.

Она вышла на мраморную террасу – плиты были в выбоинах, потрескавшиеся, явно не ремонтировавшиеся уже лет сто, не меньше. Она заметила лестницу, что вела в сад. По обеим ее сторонам возвышались огромные мраморные клумбы в форме цветочных корзин – но вместо цветов в них росли сорняки. Лестница только сверху была в приличном состоянии, нижние ступеньки обвалились, превращая спуск по ней в экстремальный вид спорта.

– Как вам это удалось? – обратилась к Жене молодая рыжеволосая особа в темном деловом костюме, прижавшая к груди папку, видимо, помощница московского юриста. – Эту дверь не открывали… Порядка пятидесяти лет, вероятно даже, еще дольше! Причем ни один мастер не мог сказать, почему ее заклинило!

– Думаю, она ждала новую хозяйку! – произнесла возникшая рядом Калерия Ильинична. – А второй этаж вы еще не видели? Ах, там такой потрясающий будуар! Причем с ним связан один прелюбопытный казус пикантного характера. Когда в конце тридцатых годов XIX века государь-император Николай Павлович оказался в этих местах, тогдашний граф Бальзуев-Мухин, сын того самого, все еще томившегося в монастыре безумца, счел за честь дать в честь венценосной особы небывалый по роскоши прием, упустив, однако, из виду, что его собственная юная супруга, урожденная княжна Уварова, привлекла внимание Николая Павловича в гораздо большей степени, нежели торжества в его честь…

Немедленно завладев вниманием осматривавших особняк, директриса повела их наверх. Артем вопросительно посмотрел на Женю, и она сказала, что догонит их, и осталась на террасе.

Ее взгляд упал на окружавшие дом сосны. Они росли плотно, однако в одном месте образовалась проплешина – видимо, там хвойные не прижились.

Женя обернулась – и поняла, что осталась одна. Еще бы, никто, кроме нее, не хотел находиться в этом требовавшем срочного капитального ремонта месте. Но ведь в этом и было очарование террасы – ее надо было оставить такой, какой она была! А ремонт, даже самый щадящий, превратит этот шедевр, зодчими которого были время и непогода, в очередную стандартную террасу стандартного подмосковного замка.

Евгения вернулась в музыкальный салон, прикоснулась к покрытым трещинами стеклянным квадратикам, из которых состояла дверь. И вдруг заметила на одном из них полоски. Присмотревшись, она поняла, что это надпись, сделанная кем-то на стекле. Она наклонилась и попыталась прочитать. Ей удалось только разобрать подпись: «Евгения».

Гм, неужели та самая Евгения, в любви которой признавался неведомый поклонник на коре дуба? *Или другая?* Как ни старалась, но понять, в какие слова сплетаются тонкие линии, она не могла.

Хотя… Хотя создавалось впечатление, что одно из слов, кажется, было словом «подвал».

Подвал? Конечно, в любом мало-мальски приличном доме имелся подвал. Имелся он, вне всякого сомнения, и на Мухиной даче. Только отчего кто-то решил увековечить факт его существования на стекле музыкального салона? Почему не кухню, не библиотеку, в конце концов, не будуар, где государь император пытался соблазнить юную графиню?

Женя захотела призвать на помощь всезнающую директрису лицея, но поняла, что ни той, ни прочих гостей на первом этаже не было. Даже Артем ушел, оставив ее одну. Хотя…

Хотя она сама желала остаться одна…

Да, дом ей определенно нравился. И она знала, что все прочие – только случайные гости. Не исключено, что даже Артем… Что даже Артем не в состоянии понять очарования Мухиной дачи.

Все должны уйти… И она… Нет, конечно же, *они* – Артем и она сама – останутся здесь вдвоем. И никто не нарушит их идиллии, никто и ничто… Потому что это только их дом! *Он принадлежит им, а они – ему!*

Удивляясь своим собственным странным мыслям, Евгения бродила по первому этажу. Присоединяться к основной массе посетителей она не хотела. Кухня, конечно, была не ахти, ее требовалось отремонтировать, а все так называемое «оборудование» заменить на современное. А вот прочие комнаты…

Внезапно Евгения увидела дверцу, которая располагалась в углу и сливалась по цвету с темно-серой стеной. Такую даже не сразу разглядишь, надо *просто знать*, что она здесь находится…

Она толкнула ее и увидела, что за ней – небольшая кладовая. В каморке витал странный затхлый запах. Конечно, проветривать надо долго и нещадно, подумала Евгения, поймав себя на мысли о том, что рассуждает так, как будто…

Как будто являлась новой хозяйкой Мухиной дачи. А ведь это всего лишь бесплодные мечтания, не более того!

Хотя почему – бесплодные… В этот момент Женя обернулась и вдруг увидела еще одну дверь, которая располагалась в этой самой кладовой-каморке. Прямо как матрешка: достаешь и без того уже крошечную, а в ней спрятана совсем микроскопическая…

Дверь была металлическая, с солидным засовом. *Приоткрытая…* Женя толкнула ее и увидела, что каменная лестница уводит куда-то вниз. Ну конечно, тот самый *подвал* – причем по площади наверняка ничуть не меньше, а то еще и больше Монте-Карло!

Заметив на неровной стене подвального помещения старинный выключатель, Женя перебросила рычажок вверх – и, о чудо, лестница, а также подземелье внизу залились неярким желтым светом.

Чувствуя, что любопытство переполняет ее, Женя сделала первый шаг. Подвал – сначала эта странная надпись на стекле, затем таинственная дверь в кухне… *Дверь, которая вела в подвал!* Это что, случайность?

А что же иначе? Ведь никто не играл с ней в прятки, никто не подбрасывал, как в длинном романе Дэна Брауна, непонятные намеки, куда надо идти в следующей главе.

Подвал так подвал! Евгения начала спускаться по лестнице. Она ожидала, что в лицо ей дохнет сыростью, но подвал, судя по всему, был сделан и прошпаклеван на совесть – плесенью или водой там и не пахло.

Женя прошла по коридору вправо, повернула, остановившись перед новым застывшим в темноте коридором. Увидела выключатель, повернула его – и желтая дорожка света прорезала черноту.

Слева были видны отгороженные деревянными решетками комнатки, забитые старой мебелью. И, кажется, не только старой, но даже антикварной. Неужели она прилагалась к Мухиной даче? Не исключено, что мебель, если ее продать, не только покроет затраты на приобретение усадьбы, но даже позволит остаться в плюсе!

Так она прошла в другой коридор, оттуда в соседний, каждый раз открывая все новые и новые сокровища – затянутые паутиной рыцарские доспехи, клетчатые, изгрызенные мышами чемоданы, наконец, комнатку, в которой, переливаясь и мерцая, на столе громоздились сервизы – как фарфоровые, так и металлические. Но если этот тусклый почерневший металл – серебро, то *сколько же это должно стоить*?

Женя щелкнула очередным выключателем, желая свернуть в новый коридор, – и увидела дверь. Причем, судя по всему, дверь была старинная, кованая и без ручки или замочной скважины. Женя постучала по ней, желая понять, находится за ней что-то или нет, и в этот момент погас свет.

Не теряя присутствия духа, Женя по стеночке дошла до предыдущего выключателя, щелкнула им, однако безрезультатно: свет вырубился по всему подвалу.

Темноты Евгения никогда не боялась, однако оказаться в бесконечном, похожем на лабиринт подвале старинного особняка ей оптимизма не внушало. *Ведь в каждом лабиринте должен быть свой Минотавр,* не так ли?

Чувствуя, что начинает нервничать, Женя извлекла из кармана мобильный телефон. Связи, конечно же, не было – что неудивительно при таких-то толстенных каменных стенах! Но не звонить же в полицию или службу спасения, куда можно было дозвониться и так, и не просить извлечь ее из подвала Мухиной дачи, куда она попала исключительно по своей глупости!

Надо рассуждать логически. Она ведь не идиотка, понимала, что даже при включенном свете в подвале потеряться очень легко. Поэтому шла, поворачивая каждый раз направо. Следовательно, чтобы попасть к выходу, нужно идти, поворачивая каждый раз налево? *Всего-то!*

Она так и сделала. *Налево*, твердила она себе, *налево.* Она то и дело спотыкалась, раза два едва не полетела на пол. Но упорно шла вперед, закусив губу и не позволяя себе расплакаться. Не хватало еще, чтобы Артем хватился ее и искал по всему дому, не подозревая, что она находится не *в* доме, а *под* ним! Он наверняка тогда настоит на возвращении в Москву, а этого Женя не хотела. Не хотела, потому что желала остаться на Мухиной даче навсегда. *Только не в подвале, конечно…*

Используя подсветку мобильного в качестве импровизированного фонарика, Женя упорно шла к цели. Наконец, еще один поворот – и вдруг снова вспыхнул свет. Она поняла, что посередине коридора находится лестница, что вела в кухню.

Вздохнув и повеселев, Женя взглянула на часы в мобильном телефоне и поняла, что ее прогулка по подвалу заняла всего лишь четверть часа. *Причем туда и обратно!* А ей казалось, что она блуждала здесь целую вечность…

Вдруг свет снова погас. Что ж, ветхая проводка, ничего другого предположить было нельзя. Женя автоматически потянулась к выключателю, нащупала его, потянула вверх – и вдруг наткнулась на что-то мягкое. *И живое.*

Она отдернула руку с чувством гадливости, потому что терпеть не могла ни змей, ни крыс, ни тем более пауков. Но потом она поняла, что то, до чего она дотронулась, не было ни змеей, ни крысой, ни пауком.

Это была покрытая шерстью когтистая лапа!

Как будто… *Как будто тут, за углом, что-то стояло.* Точнее, кто-то… Человек или нет… И наблюдало за ней, желая напасть на вторгнувшегося в его владения незваного гостя!

Да, это нечто было живое. И, вне всяких сомнений, опасное. *Смертельно опасное!* Женя, затаив дыхание, замерла, боясь пошевелиться. Быть может, она ошиблась и все это – игра разбушевавшегося воображения или просто галлюцинация?

Однако же нет, это не была галлюцинация. Потому что она физически, буквально порами кожи ощущала присутствие рядом кого-то. *Или чего-то.* В голову полезли рассказы директрисы Убей-Волк о таинственных смертях, связанных с Мухиной дачей. *Так неужели…*

До нее доносилось то ли сопение, то ли дыхание – это значит, что у того, кто притаился за углом, были легкие. *Или пасть, полная зубов!*

Женя осторожно сделала шаг в сторону лестницы. Потом еще один, и еще один. А затем, собрав всю волю в кулак, она рванула к спасительным ступенькам. Там она навернулась, пребольно ударившись локтем, однако это ее не остановило. Евгения подлетела к темной громаде двери, на мгновение застыла, переводя дух. И оглянулась.

Так как глаза ее привыкли к темноте, она смогла различить у подножия лестницы… Кого-то? *Или что-то?* Во всяком случае, невысокую фигуру, которая застыла там. И которой там раньше, конечно же, не было!

Чувствуя, что новая волна панического ужаса накрывает ее, Евгения толкнула дверь, представляя, как окажется в каморке, а потом в кухне. И перейдет в залитую светом комнату. И унесет ноги от этого проклятого места…

Она представила это – и вдруг поняла, *что дверь закрыта.* Сначала она решила, что ту заклинило, она толкала ее плечом, била ногами, но дверь не сдвигалась ни на миллиметр. Объяснение было одно: *кто-то намеренно задвинул с обратной стороны массивный засов!*

Евгения в ужасе обернулась, продолжая стучать пяткой по двери. Она хотела знать, что делает фигура. А фигура уже поднималась по лестнице, *прямо к ней.*

Такого страха, какой она испытала в тот момент, Женя никогда в своей жизни еще не испытывала. Ибо она понимала – то, что обитало в подвале, не могло быть мягким и пушистым, от него исходила угроза. *И это нечто приближалось к ней.*

Евгения изо всех сил застучала по двери, а потом закричала:

– Я здесь, в подвале, мне требуется помощь! Кто-то закрыл дверь! Выпустите меня!

А затем снова развернулась лицом к лестнице. То, что преследовало ее, замерло посередине лестницы. Женя пыталась рассмотреть, кто же или что же это было, но тщетно. Кажется, контуры человеческого тела, вероятно, ребенок…

Но откуда в подвале ребенок?

Она подумала о том, что директриса рассказала какую-то давнюю историю, связанную с исчезновением здесь детей. Или кто-то очень страстно желал иметь детей… *Как Артем…*

Не понимая, почему в голову пришла эта глупая ассоциация, Евгения, последний раз бухнув кулаком по двери и понимая, что никто открывать ее не намеревается, дрожащим голосом произнесла:

– Ты кто такой? И что тебе нужно?

В голове вертелись неприятные, сумасшедшие мысли. В призраков и привидений Евгения не верила, *однако…* Однако это не означало, что их в природе не существует! И если это в самом деле призрак, то почему он должен обязательно причинить ей вред? Ну, повоет, погремит цепями – и скроется в своей берлоге.

Или это не призрак? А сущность вполне реальная, из крови и плоти? Тут Евгении по-настоящему сделалось страшно, и это несмотря на то, что она была уверена: апогей ужаса достигнут.

Ведь если это человек, то его намерения далеки от мирных. И это явно не турист или потенциальный покупатель, как и она, заблудившийся в подвале. Этот некто… Некто, под-

жидавший в подвале жертву! И вполне вероятно, складировавший в гигантском подземном лабиринте тела попавшихся!

– Так что вам надо? – закричала Женя, судорожно пытаясь набрать по телефону номер полиции. Все равно, что она скажет, например, что на нее напали или ее пытаются изнасиловать, – пусть приезжают и отомкнут дверь! Хотя, безусловно, к тому времени от нее останутся только рожки да ножки. *Если вообще что-то останется.* Ведь, кажется, около Мухиной дачи люди исчезали бесследно!

Но руки у нее дрожали так сильно, что она выронила мобильный телефон – и тот, перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, поехал вниз, освещая призрачным светом лестницу. Евгения заметила, что преследователю это не понравилось – он проворно ушел снова к подножию лестницы. Ей показалось, что она заметила космы и шерсть… *Домовой?*

Спускаться, чтобы забрать лежащий на ступеньке телефон, Женя не рискнула. И в третий раз повторила свой вопрос:

– Что вам надо?

И снизу раздался голос, бесплотный, практически неуловимый, ни мужской, ни женский:

– Помоги мне! Пожалуйста, Женя, помоги мне!

В этот момент дверь загромыхала, сдвинулась с места – и в лицо Евгении хлынул поток света. На пороге она узрела уже знакомую ей молодую рыжеволосую особу в деловом костюме и с папкой в руках. Та в остолбенении уставилась на Евгению и, уронив от неожиданности папку, спросила:

– Что вы тут делаете?

Евгения же, оттеснив ее в сторону и выходя из подвала, произнесла:

– Лучше вы скажите, что вы тут делаете?

Особа, поправив очки на носу, заявила:

– Вообще-то, я хотела показать некоторым из гостей подвал! Как вы туда попали?

– Через дверь! – ответила мрачно Евгения и посмотрела вниз. Там, у подножия лестницы, никого не было. Так было это все или нет? *Или это – ночной кошмар?*

– Но она была закрыта со стороны кухни! – заявила особа и подозрительно уставилась на Евгению. – Это вы сделали?

– Вне всяких сомнений! – ответила та. – А потом, приняв форму джинна, просочилась в подвал через замочную скважину. Ах, пардон, у этой двери нет замочной скважины, только засов! Так как же туда попала? А, поняла, через мышиную нору!

Оставив ошарашенную и не знавшую, что возразить, особу на пороге подвала, Евгения вышла из кладовки и заметила нескольких человек, которые явно хотели осмотреть подвал. Знали бы они, что там обитает, ни за что бы не рискнули туда спускаться!

– Женя! – услышала она голос Артема и бросилась в объятия мужа, который скорым шагом вошел в кухню. – Где ты пропадала? Я тебе звонил, но у тебя включался автоответчик…

– Проводка не в порядке, поэтому свет в подвале то и дело гаснет… – произнесла рыжеволосая девица с папкой в руках, но гости, наблюдая за тем, как беззвучно плачет Женя, уже потеряли всякий интерес к экскурсии по подвалу.

Артем увел жену прочь, вышел с ней на свежий воздух, где она, уткнувшись ему в грудь, смогла дать волю слезам. Он ничего не спрашивал, только гладил ее по волосам, нежно целую в макушку. Наконец, когда Евгения немного успокоилась, он приподнял ее голову и чмокнул в нос.

– Ну что, поедем обратно? Здесь нам делать, как я понимаю, больше нечего?

И, не дожидаясь ответа, двинулся вперед, к конюшне, подле которой был припаркован их автомобиль. Женя же, шедшая за ним, размышляла.

С чего она взяла, что тот, кого она увидела в подвале, хотел на нее напасть? Не исключено, что этот некто, как и она сама, нуждался в помощи! Ведь он так об этом и сказал, причем назвал ее по имени – *Женей!* Откуда обитатель подвала мог это знать?

Она двинулась за Артемом, который шагал вперед, а потом схватила его за руку и произнесла:

– Нам надо вернуться!

– Вернуться? – спросил тот удивленно. – Ты что-то забыла?

Женя мотнула головой и ответила:

– Этот дом… Я понимаю, что это звучит дико… Но я хочу в нем жить! И я хочу, чтобы мы его купили!

Да, именно этого она и хотела. Потому что, несмотря на пережитое приключение, это был *ее* дом. Он понравился ей сразу, как только она увидела его в Интернете. И когда оказалась вблизи, была полностью им очарована.

А то, что обитало в подвале… Хотя кто сказал, что оно там обитало? Ведь в подвал можно было попасть наверняка и не только через дверь в кухне. Евгения подумала о странной двери где-то в подземном лабиринте – *дверь без замка и ручки, которая, тем не менее, куда-то вела.*

Она просто впала в панику, не осознавая, что тот, на кого она наткнулась, как и она сама, проник в подвал извне. А потом, вероятно, снова скрылся. Например, через ту странную дверь. Или еще каким-то образом.

Но если так, то отчего он просил у нее помощи, называя при этом по имени?

Евгении было понятно одно: разгадать эту провинциальную шараду она могла, только оставшись в доме. Причем не просто оставшись, а *поселившись в нем.* Если многие живут в замках с привидениями, в которых она не верила, то почему она не может жить в доме, в подвале которого имеются неведомый гость и непонятно куда ведущая дверь?

– Купили? – переспросил озадаченный Артем, от неожиданности выпустивший из рук ключ зажигания. – Ты хочешь, чтобы мы купили эти графские развалины?

Он поднял ключ и внимательно посмотрел на Женю. Та тихо сказала:

– Понимаю, это звучит глупо, но… Но я чувствую, что этот дом – мой… Вернее, конечно, наш… Что нам нужно здесь поселиться…

– Жаль, что ты не придерживаешься того же мнения о Букингемском дворце или, скажем, резиденции какого-нибудь из наших патриотических олигархов на Подветренных островах! – заявил Артем с усмешкой. Женя поняла, что он разозлен. Наверняка она на его месте потеряла бы терпение.

– Но ведь ты и сам хотел обзавестись чем-то подобным! – запротестовала она.

Артем подошел к ней, вздохнул, а потом, взяв за руку, подвел к скрытой в кустах скамейке. Усадив на нее Женю, он произнес:

– Не чем-то подобным, а загородным домом! А это не загородный дом, а настоящее поместье! К тому же находящееся в крайне плачевном состоянии.

– Жить тут вполне можно! – возразила Евгения. – Состояние плачевное, но не аварийное, ты сам видел. К чему все эти типовые виллы и шале в средиземноморско-готическом стиле в элитных поселках? Ты сам видел, какая там публика – забыл встречу с милым Толяном и его блондинистой подружкой?

Артем снова вздохнул и, усевшись рядом, взял Женю за руку:

– Хорошо, даже если не принимать в расчет расстояние до Москвы…

– Ты же хотел жить в глуши! Чтобы тебя не трогали! А заниматься своими интернет-делами ты можешь, не выходя из своей комнаты! Для этого не нужно ездить в столичный офис! Один же из ваших отцов-основателей вообще живет где-то на Бали, и ничего, в

курсе всего происходящего, держит руку на пульсе при помощи всех этих видеоконференций, особых интернет-каналов и прочих прибамбасов!

Артем качнул головой и усмехнулся:

– Так это, как ты верно заметила, один из основателей. Он может себе такое позволить! Я – нет!

– Ты – их вице-президент! – заявила Женя. – Они без тебя и без твоих идей как без рук! Ты хоть на Луне будешь жить, им это не помешает выжимать тебя как лимон!

Артем погладил ее по щеке и сказал:

– А как же твоя работа? Тебе придется каждый день ездить туда и обратно, а с учетом пробок…

– Не каждый! – заявила с жаром Евгения. – Я, как и ты, могу работать из дома. И вообще, не можем же мы подчинять всю свою жизнь работе!

– Хорошо, а как быть с деньгами? Ты ведь понимаешь, что наших капиталов на такой особняк, пусть и в плохом состоянии, не хватит! – предпринял последнюю попытку Артем. – Да, мы оба неплохо получаем, какие-то накопления у нас есть, но ведь придется брать кредит. А закабалять себя ради этого мавзолея я не намерен.

Женя поняла, что он принял решение. Разговор был окончен. Артем не собирался покупать Мухину дачу. И самое ужасное, что она знала: он был прав. Ладно, с работой все можно как-то утрясти. Но вот с финансами утрясти ничего было нельзя!

– Так ты ведь даже не знаешь, сколько они за него хотят! – заявила в сердцах Евгения. Артем возразил:

– Этого никто не знает. Потому что они цену не называют, а просят тех, кто заинтересован в покупке, заполнить короткий формуляр, а также вложить в конверт записку, на которой цифрами обозначена сумма, которую они готовы выложить за Мухину дачу. Своего рода закрытый аукцион. Тот, кто назовет самую высокую цену, и получит возможность приобрести этот особняк. Причем за ту сумму, которую изначально назвал. Теоретически, как заверил меня представитель более чем солидной московской юридической фирмы, если, скажем, три потенциальных клиента назовут цену в пять, десять и пятьдесят рублей, то Мухина дача отойдет тому, кто предложит пятьдесят. И именно за пятьдесят рублей! Невероятно, но факт! Таковы якобы условия заграничного владельца, который, как поведала нам наша тутошняя знакомая, большой оригинал!

Женя смахнула со щеки слезу и спросила:

– И сколько ты предложил?

Артем пожал плечами:

– Нисколько. Потому что мы покупать Мухину дачу не будем. А теперь поедем домой, Женя…

Итак, он принял решение. *И она тоже*. Да, она любила Артема, но знала, что он бывает упрямым прямо-таки до невозможного. И по большей части все всегда делалось так, как хотел именно он. Нет, Артем не был тираном и самодуром, однако отчего-то считал, что важные решения в их жизни принимать должен именно он.

– Жаль, что ты не хочешь купить Мухину дачу. Потому что именно в ней я хочу зачать, родить и воспитать наших детей! – произнесла Женя негромко в спину уходящего мужа.

Артем вздрогнул, а потом медленно развернулся. Его лоб прорезала узкая морщина.

– Женя, это запрещенный прием. Ты же знаешь, что я хочу детей, что мы уже говорили на эту тему, а ты…

Голос его сорвался.

– Но я в самом деле хочу, чтобы наши дети родились и выросли именно здесь! – заявила она. – Вдали от этого ужасного мегаполиса, на природе, в этом милом доме, потому что, если его привести в порядок, конечно, не прибегая к помощи строителей из солнечных республик

и страдающих мегаломанией архитекторов, а воссоздать прежнюю атмосферу, то Мухина дача будет самым великолепным домом в мире! Ты так не считаешь?

Артем подошел к ней, Женя встала и положила руки ему на плечи. А затем поцеловала его и произнесла:

– Я не шучу! Если становиться матерью твоих детей, то исключительно в этом доме! Могу же я, как и любая женщина, позволить себе такой небольшой каприз! Я никогда не требовала от тебя ни побрякушек, ни тряпок, ни авто, ни поездок на элитные курорты. Но я хочу этот дом – для нас с тобой, для наших детей. Для нашего семейного счастья!

Говорила она тихо, но вполне искренне. Артем отвернулся – она заметила, что он, кажется, был готов заплакать! Вот это да! Плачущим мужа она не видела за четыре года их совместной жизни ни разу!

Она знала, что это шантаж, однако он, постоянно подводя ее к мысли о детях, тоже шантажировал ее. И Мухина дача предназначалась не только для нее, а для них всех! В том числе и для их детей!

– А ты обещаешь, что не раздумаешь? – спросил он, поворачиваясь к ней. Его красные глаза были подернуты влагой.

Женя поцеловала мужа в лоб и ответила:

– Имея самого чудного мужа на свете и самый классный в мире дом – конечно же, нет! Так ты согласен?

Минуту спустя они снова были на Мухиной даче. Женя заметила, как два солидных господина протянули юристу продолговатые конверты, которые тот снабдил с обратной стороны оттиском печати и передал уже знакомой Жене молодой рыжеволосой особе, положившей их в кожаную папку, которую она тотчас уронила на пол.

Артем подошел к юристу и произнес:

– Мы бы тоже хотели…

– Правильно, совершенно верно! – раздался голос Калерии Ильиничны, вынырнувшей откуда-то из соседних комнат. – А то я уже расстроилась, подумав, что вы уехали в Москву, не попрощавшись и, что важнее, не предложив своей цены!

С очаровательной улыбкой молодая особа протянула им планшет, к которому был прикреплен лист бумаги, а также продолговатый конверт.

– Разрешите подумать? – спросил Артем, и юрист ответил:

– Вне всяких сомнений! До окончания осмотра Мухиной дачи еще около часа! До этого времени вы можете подать заявку или забрать уже поданную!

Артем и Женя прошли в музыкальный салон. Положив планшет на рояль, Артем быстро заполнил графы формуляра – фамилия, имя, отчество, дата рождения, место работы, сумма годового дохода. Вопросов было на удивление мало, прилагать какие-либо подтверждающие документы не требовалось. Внеся в последнюю графу номер телефона и электронный адрес, Артем подписал формуляр, а затем протянул ручку Евгении.

Та проделала то же самое, краем глаза заметив, что в музыкальном салоне появилась директриса Убей-Волк. Заговорщически подмигнув, она сказала, косясь на продолговатый конверт:

– На вашем бы месте я бы не стала указывать гигантскую сумму.

Артем протянул свой мобильный, при помощи которого он вышел в Интернет.

– Смотрите, вот усадьба во Владимирской области, намного меньше, дом гораздо скромнее – и продается почти за шестьсот тысяч долларов. А здесь мы – под Москвой! И дом, надо признать, все же в неплохом состоянии. И такой огромный сад! Сколько все это стоит – миллион? Или полтора? Два?

Калерия Ильинична улыбнулась и сказала:

– Так и быть, открою вам ужасную тайну! Но прошу меня не выдавать, иначе это выйдет боком не только мне, но и вам. Владелец Мухиной дачи сегодня был здесь! И, кажется, он уже принял решение, кому ее продаст! И дело вовсе не в заявленной сумме!

Женя с любопытством спросила:

– Он прикинулся одним из гостей? Вы знаете, кто он на самом деле?

Директриса отрицательно качнула головой, заметив, что понятия не имеет и что информацию о его визите инкогнито получила из конфиденциального, но надежного источника.

– Вот ведь будет незадача, если владелец – Толян! – сказал со смешком Артем. – Или, что хуже, его блондинистая подружка! Тогда нам дома точно не видать!

– Они, кстати, тоже подали заявку, – поведала вездесущая Убей-Волк, – еще до того, как их выставили вон. К сожалению, ее тоже придется учитывать, так как узнать, какой же из запечатанных конвертов содержит в себе предложение этой сладкой парочки, увы, не представляется возможным. Но они точно не победят!

Женя тоже так думала. Она посмотрела на директрису и спросила:

– А вы бы на нашем месте какую сумму назвали? Ведь точно не пятьдесят рублей, так ведь?

Калерия Ильинична кашлянула и протянула:

– Ну, интуиция мне подсказывает, что стоит подумать о…

В этот момент в музыкальный салон вошла рыжеволосая девица с кожаной папкой. Директриса смолкла. Девица же, то ли услышав обрывок из разговора, то ли просто будучи любопытной, покидать комнату не намеревалась, делая вид, что любуется садом через стеклянную дверь террасы.

Чтобы их внезапное молчание не показалось подозрительным, иначе, чего доброго, конверт вообще не примут, Женя спросила первое, что пришло в голову:

– А вам известно о том, что в подвале Мухиной дачи что-то живет?

И прикусила язык. Об этом она спрашивать как раз и не намеревалась, как-то само вырвалось.

– Ну, крысы, конечно, водятся, но с ними можно бороться… – протянула директриса. Женя посмотрела на нее и сказала:

– Я имела в виду другое! Например, призрак… Или… Или что-то иное…

Девица с папкой резко развернулась и уставилась на нее, открыто слушая их беседу.

– Призрак в подвале? – качнула головой Убей-Волк. – Нет, впервые о таком слышу! Хотя имеется какая-то старая история, связанная с первым графом Бальзуевым-Мухиным… Он ведь увлекался, помимо всего прочего, алхимией и черной магией. И, говорят, как-то даже вызвал черта, желая выторговать себе бессмертие. Но черт надул графа, и тот, рассердившись, не позволил ему уйти обратно в геенну, и черт до сих пор шатается по подвалу, пытаясь отыскать дверь в пекло…

– Дверь в пекло, – проронила Женя, – а что за странная дверь в…

Она оборвала фразу. Ведь тогда придется рассказывать о том, что она бродила по подвалу. *И наткнулась на неведомую дверь.*

– Готово! – произнес Артем и подал девице конверт.

Женя уставилась на мужа, а потом, подойдя к нему, тихо спросила:

– Но почему ты со мной не посоветовался?

– Женюсик, все будет в порядке! – заявил муж тем же тоном, каким обычно отметал все ее вопросы. Эту черту в Артеме Женя ненавидела более всего.

Девица позвала юриста, который проштамповал конверт, и тот отправился к точно таким же в кожаную папку. А затем представитель юридической фирмы выразительно посмотрел на часы. Женя поразилась, вдруг осознав, что было уже почти шесть вечера. Юрист наблюдал за секундной стрелкой, и когда та достигла двенадцати, произнес:

– Прошу запротоколировать, что это было последнее предложение. На этом осмотр Мухиной дачи завершен. О результатах вам сообщат в течение недели. А теперь желаю всем хорошего времяпрепровождения вне стен усадьбы!

Это было более чем тонким намеком на то, что им следовало покинуть Мухину дачу. Женя, Артем и директриса Убей-Волк вышли из особняка и проследили за тем, как юрист запер входную дверь и, сопровождаемый рыжеволосой девицей с кожаной папкой и охранниками, двинулся в сторону конюшни, где были припаркованы автомобили.

– Какую сумму ты предложил? – осведомилась Женя, и Артем шепнул ей на ухо. Евгения вздохнула. Что ж, кажется, несмотря на ее заверения в том, что Мухина дача станет раем для их детей, Артем решил подстраховаться и назвал сумму высокую, но явно не настолько, чтобы она оказалась самой большой. И самое забавное, что если они вдруг победят, во что Женя уже не верила, то такой суммы в их распоряжении все равно нет.

Они тоже прошли к конюшне – и Евгения обомлела. *Все четыре колеса их автомобиля были проколоты!* Увидев это, Артем сначала впал в ступор, а потом выругался, чего себе никогда не позволял.

– Месть Толяна! – заявил он в сердцах. – Кому еще пришла бы в голову подобная идиотская идея! Отлично, просто отлично!

Он принялся набирать номер аварийной службы. Облаченные в черное телохранители топтались на месте, а юрист кашлянул и подошел к Жене.

– Вынужден настоять на том, чтобы вы немедленно покинули территорию вверенного моему попечению объекта.

Женя развела руками, попыталась объяснить ситуацию, но юрист был непреклонен – он намеревался возвращаться в Москву, причем немедленно. А в аварийке сказали, что подъехать к ним могут не раньше чем часа через четыре, а то и вообще только следующим утром.

Юрист кивнул своим амбалам. Те выкатили громыхавшую спущенными покрышками по гравию машину Артема за пределы Мухиной дачи и поставили на обочине проселочной дороги. Засим юрист запер ворота, прыгнул вместе с рыжеволосой особой, вероятно, своей пассией, в элегантное авто и, не думая предложить попавшим в досадную ситуацию гостям помощь, обдал их облаком выхлопных газов и двинулся в сторону Москвы.

Хотя солнце стояло высоко и был самый долгий день года, постепенно наступал вечер. Вокруг порхали стрекозы, оглушительно стрекотали кузнечики, а автомобиль с четырьмя спущенными покрышками возвышался металлической горой среди лопухов и репейника.

– Вы не знаете, кто в вашем Анчуткино мог бы нам помочь? У вас ведь имеется автомастерская? – спросил Артем у директрисы.

Калерия Ильинична поджала губы и ответила:

– А также булочная, православный храм и даже классическая гимназия, руководить которой я имею честь, молодой человек!

Женя поняла, что Убей-Волк обиделась, и попыталась донести до нее, что Артем, снова разговаривавший с кем-то по мобильному, вовсе не хотел задеть ее.

Калерия Ильинична улыбнулась и ответила:

– О, ваш муж – горячий молодой человек! У вас, позволю себе заметить, будут замечательные дети! И, если им повезет, они вырастут на Мухиной даче!

А затем, обращаясь к чертыхающемуся Артему, только что раздраженно завершившему разговор с кем-то из страховой компании, произнесла:

– Отец Девяткина, самого бестолкового ученика в моей гимназии, владеет автомастерской. И я уверена, что он всенепременно и немедленно окажет вам помощь, если я попрошу его об этом – он ведь понимает, что его оболтуса-сына мы держим у себя исключительно по доброте душевной!

Артем тотчас повеселел, а директриса вытащила мобильный, сделала один звонок, и, в самом деле, спустя четверть часа около Мухиной дачи затормозил пикап, из которого выскочил бородатый живчик в оранжевом комбинезоне. Почтительно поздоровавшись с Калерией Ильиничной, он принялся вместе с Артемом осматривать его «железного коня». Вердикт был неутешительным – Толян, видимо, оскорбленный публичной выволочкой не на жизнь, а на смерть, не только проколол шины, но и раскурочил мотор.

– Восстановить можно, но это займет время, – заявил, почесывая бороду, отец балбеса Девяткина. – Так как вы друзья Калерии Ильиничны, займусь этим немедленно. И людей своих на это брошу. Однако не раньше завтрашнего утра, уж извините…

Артем, уже смирившийся с произошедшим, только кивнул. И даже повеселел, когда узнал, что Девяткин-старший наотрез отказался брать какой-либо гонорар.

– Что вы, что вы, – забормотал он, размахивая руками, – друзья Калерии Ильиничны для меня святое!

Он вызвал своих ребят, чтобы оттранспортировать машину в автомастерскую. Артем вызвался поехать с ними. Женя же задумалась о том, что делать ей – участие в починке лакированного куска железа, пусть и на четырех колесах, правда, спущенных, ее не прельщало.

– У вас ведь в селе… – начал Артем и поправился, покосившись на директрису, – в городке имеется отель? Точнее, я хотел сказать, гостиница или пансион?

– Имеется! – встряла Калерия Ильинична. – И даже не такая уж плохая. Правда, название «Великокняжеская» весьма странное. Император Николай Павлович – да, находился проездом, но и то не в Анчуткино, а на Мухиной даче, а вот ни один из великих князей там отродясь не бывал и уж точно не ночевал!

Она взглянула на Женю и сказала:

– Сама я, увы, живу в однокомнатной квартире в панельном доме, поэтому предложить вам кров не могу. Однако не у меня самой, а у моей старинной приятельницы имеется отличная, расположенная недалеко отсюда дача! Причем она похожа на сельский коттедж. Приятельница сейчас в отпуске, за границей, попросила меня присматривать за дачей, в которой души не чает. И я точно знаю, что она не будет иметь ничего против, если вы проведете там ночь в комнате для гостей!

Женя не знала, как благодарить Калерию Ильиничну. Даже Артем смягчился. Он все же отправился с отцом двоечника Девяткина, обещавшим потом подкинуть его на дачу, в автомастерскую, а Женя с директрисой двинулись по грунтовой дороге к даче.

– Она там, с другой стороны! – заявила женщина, указывая на старинное кладбище. Женя же, показав на дуб с раздвоенной кроной, поинтересовалась, откуда он такой взялся.

– О, его посадил еще первый граф Бальзуев-Мухин! Он ведь был знатный агроном и селекционер. И имел тягу ко всему жуткому и старинному. Это и объясняет его занятия алхимией и черной магией. И корни дуба, говорят, ведут прямиком в ад – это объясняет его уродливую форму. На самом деле, конечно, это всего лишь генетическая аномалия.

– В ад, куда стремился черт, заточенный в подвале Мухиной дачи? – улыбнулась Женя, и директриса энергично закивала:

– Да, да! И кстати, в связи с этим расскажу вам еще одну занимательную историю, имевшую место уже, впрочем, при Советской власти…

Дача оказалась уютным трехэтажным домиком из желтого кирпича. Имелись там и электричество, и газовая плита, и даже отлично оборудованная ванная комната, забитая стеклянными пузырьками.

Гостевая комната была просторная, окнами выходившая на цветник. Калерия Ильинична открыла холодильник, который оказался забит продуктами, и на скорую руку приго-

товила Жене что-то невероятно вкусное из взбитых и зажаренных яиц, черствого черного хлеба и тунца с редиской.

– Скажите, Женечка, вы счастливы? – спросила она вдруг, ставя перед женщиной бокал молока.

Евгения, прожевав чудный ужин и отложив в сторону вилку, ответила:

– Да, Калерия Ильинична. Я люблю Артема, и он любит меня!

Директриса вздохнула и сказала:

– Ах, любовь… Ее значение весьма преувеличено. Подумайте сами: из-за любви, вернее, ее отсутствия, Каин убил Авеля. Началась Троянская война. Произошли все революции – народ был уверен, что тогдашний правитель его презирает. Ах, любовь!

Она вздохнула, а потом произнесла:

– Кстати, я вам уже сказала, что мать моей подруги когда-то работала на Мухиной даче? Конечно, тогда она была еще не частным владением, а своего рода санаторием для важных лиц. Давно это было, непосредственно до трагедии с генеральской женой… Потом Мухину дачу закрыли и долго не трогали. Ах, не буду утомлять вас старыми историями! Лучше застелю постель!

Женя, конечно же, не могла допустить, чтобы пожилая дама, и без того приютившая их, незнакомых людей, еще и постель им заправляла. Директриса согласилась с тем, что заправлять будет сама Женя, а она только подаст ей белье из шкафа. Когда она вытаскивала комплекты белья, из шкафа на пол вдруг выпала шкатулка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.